

КОЛДУН
ПУТЕШЕСТВИЕ
НА ВОСТОК

КИРИЛЛ
КЛЕВАНСКИЙ

ИДДК

Кирилл Сергеевич Клеванский

Колдун. Путешествие на восток

Серия «Колдун», книга 3

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6604224

Колдун. Путешествие на восток: Альфа-книга; М.; 2020

Аннотация

Кто такой Тим Ройс?

Тим Ройс – это человек, прошедший через самую кровавую кампанию в истории военного дела Империи за последние сто лет.

Тим Ройс – это наемник, который прополз по пещерам Харпуда, который сражался на пылающих стенах Мальгрома. Это солдат, одолевший сильнейшего мага столетия, убийца, ушедший от ищеек Третьей управы, внушающей ужас даже самым честным гражданам.

Что ждет Тима Ройса?

Новые опасности и приключения на пути до края мира – столицы Алиата.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Обрыв	12
Глава 2. Разногласия	40
Глава 3. Баронства	86
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Кирилл Клеванский **Колдун. Путешествие** **на восток**

© Клеванский Кирилл

© ИДДК

Пролог

Тим Ройс

«Чирк!» – пропел соскользнувший ножик, а уже мгновение спустя, шумно втянув воздух, я хотел было приложить порезанный палец к губам, но вовремя опомнился и оставил сушить ранку на ветру. Не хватало еще, как ребенку, пальцы мусолить на глазах у десятка вояк...

Впрочем, такой обидный факт, как нечаянный порез, не помешал мне с умилением воззриться на дело рук своих. На коленках лежал маленький деревянный бегемот. Когда-то на его месте покоился небольшой деревянный чурбачок, но четыре часа работы, два пореза, сотня отборных портовых оборотов – и вот результат. Четыре пухлые ножки, большой, даже огромный живот, вытянутая морда и добрые глаза. И все было бы прекрасно, но из чурбачка должен был появиться отнюдь не этот представитель южноафриканской фауны, а вполне себе банальный конь... Однако в процессе созидания что-то пошло не так, и вместо коня появился бегемот.

Вздыхнув, я отложил пухлого и воззрился на свою коллекцию. Уже декаду наш караван неспешным ходом шел по Сулийской дороге, ведущей к Императорскому тракту, и за все это время не было ни одного занимательного инцидента –

все тишь да гладь. Вот я со скуки и решил предаться увлечению всех путешественников. Еще Одиссей увлекался такими забавами, а уж он-то в путешествиях знал толк. Но вернемся к коллекции. За десять дней я успел вырезать гоблина (планировался ребенок), страуса (по задумке – ласточка), медведя (даже вспомнить трудно, что я задумал), ну и теперь еще бегемота. Еще раз вздохнув, я убрал фигурки в походный мешок и улегся, подставляя лицо под лучи жаркого полуденного солнца...

Кое-что о минувших событиях

Пожалуй, некоторые из вас сейчас гадают: «А кто это вообще такой? Что он делает на Сулийской дороге? За какими темными он вообще рассказывает нам свою историю?!» Что ж, обо всем по порядку. Позвольте представить нашего героя – Тим Ройс. И глупо было бы, если бы это имя хоть как-то вас заинтересовало. Но постойте, не сворачивайте свиток, не закрывайте книгу и не складывайте в пыльный угол глиняные дощечки. Дайте истории второй шанс, и она вас не разочарует. Каюсь, начать действительно следовало с другого. Ведь чем любопытен ангадорец Ройс? Да ничем. Обычный деревенский парнишка, что бесцельно топчет пыль дорог. Другое дело – землянин Тимур. Хотя и он не сможет привлечь внимание даже самого непритязательного слушателя. Как итог – две типичные и скучные истории. Но если их соединить...

Впрочем, начнем сначала.

Давным-давно по набережной реки, закованной в гранит, шел обычный студент-филолог. В голове ветер, в желудке горчица и сарделька. И все бы ничего, а книгу действительно стоило бы закрыть, если бы не один маленький нюанс – этого самого студента сбила машина. Да-да, вот так банально, шел-шел – и помер. А в то же самое мгновение где-то в другой Вселенной, в другом мире, среди чужих звезд и под неведомым небом решил утопиться деревенский паренек Ройс. Старушка-судьба задумала подшутить над двумя смертными, и в тот миг, когда их души уже готовы были отправиться в последнее путешествие, она поймала их в свои сети и вернула на место. Но что-то пошло не так, и две души попали в одно тело – в тело утопленника Ройса. Что там началось... За право владеть сей брэнной тушкой развернулась настоящая битва, но в итоге победил Тимур или, как его называют друзья, Тим. И с этого момента начинается история Тима Ройса.

Как бы мне хотелось поведать о его великих подвигах, о сонме красавиц, что согревали постель героя холодными ночами, о богатствах и замках, которыми он владеет, о дальних странах, в которых он побывал, но... все это не имеет никакого отношения к Тиму Ройсу из Гайнесского графства. Путь землянина на Ангадоре начался вовсе не с предсказаний, найденных великих мечей или прирученного дракона. Он начался с услужения, почти рабства. Тимур не повез-

ло, и во владение он получил тело личного слуги графского сынка Ози. Но судьба дала ему шанс и на этот раз. За год рабской жизни было сделано многое: сколько стойл вычищено, сколько доспехов надраено, сколько мечей наточено, посуды вымыто, коридоров убрано, обедов приготовлено, дров наколото и, что самое важное, сколько планов побега придумано. Но, видимо, даже такое рвение было неуютно судьбе, и она подтолкнула юношу в теле мальчика на подвиг. Над личным слугой нависла угроза каменоломен, и тот решился на отчаянный шаг – убить Ози и сбежать. И все бы ничего, но в ту самую ночь с той же самой целью в замок пробрался Тень – наемный убийца-одиночка по кличке Добряк. Эти двое встретились в спальне Ози... Можно долго гадать, что же произошло потом, но я лучше просто расскажу. Ози погиб, ведь с перерезанным горлом долго не живут, а Тим стал учеником Добряка.

Следующие пять лет Тим Ройс провел в лесу, постигая искусство Тени и просто приятно проводя время. И пожалуй, это самый длинный по времени отрезок данной истории, но боюсь, если я приоткрою вам хоть немного из того, что открылось Тиму в том лесу, за мной начнут охотиться не только Тени, но и сам Тим. Так что скажу лишь одно: минуло пять лет и приключения начались.

Внезапно Тим оказался в гуще событий. Получив свое первое задание в качестве наемного убийцы, он убил барона-бретёра. Однако его подставили, и, понимая, что ему гро-

зит смерть, парень вступил в наемную армию «Пробитый золотой». Наемников отправили в авангард. Отряд, в котором шел Ройс, попал под лавину и оказался в пещерах Харпудова Гребня. Декада блужданий в одиночку через сеть пещер, сражение с костяными пантерами и огромными кротами – и вот Ройс, обернутый в шкуры, с запекшейся кровью на теле, уже находился по ту сторону хребта. Здесь его подобрал диверсионный отряд «Слепые кошки», состоящий из трех волшебниц. Но недолго Ройс пробыл в приятной компании. Он нагнал «пробитых» и, воссоединившись с друзьями, отправился осаждать крепость Мальгром.

Его ждал жаркий бой на стене. Многие тогда пали, но раненный наемник сорвался во тьму, и лишь чудо уберегло его от смерти. Ройс оказался по ту сторону стен, в стане врага. На этом история оборвалась бы, но парень так просто не сдался. Залечив раны, он в одиночку пробрался на башню, подал сигнал своим, перебил охранников и перерубил ворота, опускающий ворота. Армия ворвалась в крепость. Пламя пожара вздымалось так высоко, что казалось – сбылись предсказания об Армагеддоне и солнце упало на землю. Но «пробитые» не участвовали в схватке – они грабили. Тим добыл себе две чудесные сабли, сверкающие подобно лунным перьям.

В тот вечер, больше похожий на рассветное утро, темный жнец, тащивший за собой мешок с тысячами душ, нашел еще одну жертву, которой на этот раз оказался Ушастый – член

отряда и друг Ройса. Так год войны обернулся для Ройса приобретением товарищей и тяжелой утратой.

Наконец срок контракта вышел, и настал момент отправляться дальше. Тим вновь возвратился в столицу, солнечный Сантос. Обнаружив в себе искру магии, он поступил в Императорскую магическую академию. Там парень нашел новых друзей – рыжего бастарда Дирга ним Гийома, охочего до развлечений и всяческих гуляний, его сестру Рейлу эл Гийом и графиню Лизбет Норман. Последняя – та еще штучка, но не будем заострять на этом внимание, иначе мне не избежать вызова на дуэль от влюбленного в сию даму Дирга.

Тима Ройса ждали балы, работа в банке, новый наставник – немного сумасшедший чертильщик, научные открытия, огромная библиотека, в которой книг больше, чем песчинок на пляжах Майами... А также студенческие вечеринки и все остальное, связанное с веселой жизнью в академии. И... да, вы правы. Тима также ждали старые враги, но не его, а Ройса, который лет семь назад решил покончить с собой.

Житель города на Неве забрал жизнь у Ройса, взамен пообещав исполнить его волю – отомстить за смерть сестры. Долг, что камнем лег на плечи Тима, вновь напомнил о себе. Парня ждала новая интрига – среди бальных зал, элитных театров и переплетений темных улиц Сантоса. Целая цепочка событий привела не куда-нибудь, а в покои старшего сына императора. Кинжал, обмазанный страшным ядом, нашел свою цель и оборвал жизнь Крыса, первого принца империи.

Избавившись от удавки долга и почувствовав, что жизнь принадлежит лишь ему, Тим отправился навстречу новым приключениям. А поскольку в его понимании приключения неотделимы от путешествий, он нанялся в охранный отряд, который должен сопровождать неизвестного вельможу аж до самого Алиата! И теперь мы с вами можем увидеть, откинув полог, как в крытой повозке разлегся юноша. Ростом он высок, да и в плечах широк, но на лицо неказист. Не уродлив, конечно, но явно не сердцеед. Серые глаза, нос со шрамом на переносице, еще один шрам – на виске, на левой скуле тоже есть, да что там – и на правой виднеется. Резкие черты лица и черные волосы, как всегда, пребывающие в абсолютном беспорядке. Среди некоторых дам Сантоса даже ходят легенды о гребешках, что нашли свой конец, пытаясь расчесать эти лохмы. И все же теперь, после небольшой предыстории, надеюсь, что его жизнь уже не кажется вам столь пресной и не заслуживающей внимания.

Зуб даю, сейчас Тим думает о том, что весьма схож со своими, признаться, не самыми удачными фигурками. Он как его бегемот, который задумывался лошадью. Не раб, не слуга, не наемник, не солдат, не воин, не маг, не убийца, не дворянин и не простолюдин. Видимо, судьба подшутила над ним: хотела вылепить что-то одно, а вышло... впрочем, пока еще ничего не вышло. Но, может быть, в третьей части мы наконец узнаем, что Тим Ройс – отличный путешественник, ведь Алиат так далеко, а солнце еще так высоко...

Глава 1. Обрыв

Его императорское величество Майкл дель Самбер

Уже не раз мы бывали в этом кабинете и заставляли необычную пару разумных за удивительными и порой ужасными диалогами. Но сегодняшний вечер может перевернуть все наше представление о бывшем дворянине-интригане и его друге – сыне пастуха. Майкл, по своему обыкновению, сидел за небольшим письменным столом в простом кабинете, обставленном дорогой, но неброской мебелью. Император некогда великой страны, держа в одной руке хрустальный бокал, а в другой – даже с виду древнюю бутылку, смотрел на то, как янтарная жидкость лениво перетекает из одной емкости в другую.

– То, что я вижу, соответствует тому, что я знаю? – А вот и второй участник беседы.

Появился старик, как всегда, сидя в кожаном кресле, одетый в полувоенный камзол. Казалось, его вовсе не беспокоит то, что он в который раз нарушает законы Вселенной и неведомым образом проникает в самый защищенный уголок страны.

– Ага, – печально кивнул Майкл и, достав второй бокал, наполнил его и протянул товарищу. – Тебе дерево на язык упало или ты забыл, как нормально разговаривать?

Тот, поблагодарив кивком, принял угощение и, слегка пригубив напиток, покатал его по деснам, а потом с явным наслаждением отправил в глотку.

– Лучше, чем я предполагал, – прокряхтел он. – Глупо было ожидать меньшего от шестидесятилетнего лефтонского. Хотя, думаю, если поднапрячь гномов, у них в подземельях можно и попримечнее найти. А насчет оборота – тренирую красноречие.

– Ну извини, – усмехнулся император и развел руками. – Чем богаты, тем и рады. Да, у тебя не получается.

– А учитывая, что эту самую бутылку тебе подарили на венчание и ты божился открыть ее только на смертном одре... И хватит уже о моем красноречии, оно весьма...

Император прервал речь волшебника взмахом руки. Опрокинув бокал, он утер губы и спросил:

– Как лекари?

Старик пожал плечами и продолжил неспешно потягивать драгоценную настойку:

– Все то же самое. От короля ядов нет избавления. Но его мучения скоро прервутся. День, от силы два.

– Не такой судьбы я для него желал, – сокрушенно покачал головой император.

– Ты блуждаешь в иллюзиях. – Маг сморщился так, будто его заставили лимонную вытяжку вместо супа хлебать. – Он бы никогда не отказался от престола, как сделал твой мудрый средний сын, правда, что-то мне подсказывает, что ему

общество книг дороже любого людского.

– Можно было попытаться...

– Нет! – рявкнул маг, раздраженный тем, что они каждый день возвращаются к этому разговору. – Константину не повезло родиться третьим, но его путь уже написан кровью нашей и наших врагов!

– Думаешь, я не понимаю?! – От рыка Майкла задрожали стекла. – И все же он был мне сыном. Скажи, старый друг, ты приложил к этому руку?

Маг вновь пожал плечами и, прилевитировав к себе бутылку, налил еще.

– В каком-то смысле да. Мы оба знали, какую жизнь ведет твой отпрыск, и чей-либо приход по его душу был только вопросом времени. Я же просто не стал мешать, да и другим не позволил. Но все это не умаляет суровой реальности. Если бы не таинственный «помощник», нам бы пришлось убирать его самим. Еще раз тебе повторяю – он бы не отказался от своего права старшего сына.

Майкл вонзил пальцы в густые волосы, будто пытаясь вырвать их вместе со скальпом.

– И все же...

– Не стоит, друг, не стоит. – На миг в глазах мага промелькнуло сочувствие. – Как бы это ни звучало, но такая ситуация пошла нам на пользу. Теперь путь к престолу открыт для Константина, а самых умных и надежных людей можно будет занять поисками убийцы... когда жнец все-таки явит-

ся по душу твоего отпрыска.

– А как же насчет враг? Кто же их теперь откроет, если Тайс погиб? – усмехнулся Майкл.

– Это сделаю я, – твердо заявил старик.

– Но ты же должен был остаться и помочь Константину!

– Что ж, – развел руками маг, – видимо, мы будем оба наблюдать с небес за земной возней.

Император грязно выругался. По плану сорвать печати должен был сильнейший маг столетия, заплатив за это жизнью, теперь же все пойдет совсем по другой тропинке.

– Да и к тому же, – улыбнулся волшебник, – даже гибель этого студента Санты в турнире имеет свой смысл. В конце концов, не наша вина, что он не смог справиться с собственной силой. Ему не хватало ни внутреннего стержня, ни храбрости, ни банального ума. Я тебе уже рассказывал, как пытался научить его хоть чему-нибудь, что знал сам. Но все, на что он был способен, – это создать простенькое колдовство и влить в него титаническое количество энергии. Просто очередной тролль с дубиной.

– Тем не менее, за его смерть ты рассчитаешься своей жизнью.

– Значит, такова воля судьбы, – в третий раз пожал плечами волшебник. – За этот сезон она продвинула нас дальше, чем все наши поползновения за последние двадцать лет. Да и не уверен я, что Константину понадобилась бы моя помощь.

– И смерть тебя совсем не страшит? – прищурился Майкл.

– Так же, как и тебя, – кивнул его собеседник.

– Срок?

– Через год, может, чуть позже, золотая нить выведет копателей к воротам. И полагаю, смерть двухсот человек должна волновать тебя больше, чем гибель двоих заигравшихся смертных.

– Это ты сейчас о моем сыне и своем ученике или о нас с тобой?

– Не знаю, – подмигнул маг. – Может, обо всех сразу?

Майкл рассмеялся и добавил себе в бокал коньяка.

– Значит, мне осталось полгода, а тебе чуть больше? – как бы невзначай поинтересовался он.

– Получается так.

– Что ж... У нас еще есть достаточно времени, чтобы осушить все мои запасы. А если поднапрячь лекарей, то и до твоих доберемся.

На этих словах старик встал и поднял бокал.

– Тогда за сияние бесконечной империи! – произнес он древний, забытый тост.

– За сияние! – Император тоже встал, и они чокнулись.

А сейчас нам стоит покинуть императорский кабинет и отправиться на восток. Ведь караван уже далеко, а догонять торговцев – это, я вам скажу, развлечение исключительно для грабителей.

Тим Ройс

– Да не жалей его! – кричали где-то слева.

– В корпус пробивай, в корпус! – доносилось справа.

– Руки выше, руки! – Это уже вообще с какой-то неизвестной стороны.

Увернувшись от прямого в голову, я чуть присел и выстрелил правой рукой в печень противника. Тот же, будто не заметив моего выпада, попытался перехватить руку, благо я вовремя отдернул ее и сделал два шага назад. Если честно, я уже жалел, что позволил втянуть себя в эту забаву охранников каравана. Хотя какой там караван – так, небольшая торговая компания: четыре повозки, семнадцать человек торговцев да дюжина охраны. И вот, изнывая от скуки, эти самые охранники решили сходиться в поединках, ставки – по две серебрухи с брата. Зрители тоже не с хуторка, так что устроили тотализатор. И сегодня утром Лохматый, который чуть ли не сезонный оклад спустил на ставках, попросил у меня помощи в этом серьезном вопросе. А помощь заключалась в следующем: выйти в круг и накостылять парню, на которого все обычно ставят. Если вы помните, у меня у самого с деньгами туго, так что думал я недолго. Буквально сразу согласился. А зря. Возможный золотой прибыли уже обернулся для меня помятыми ребрами, расплывающимся синяком на левой скуле и рассеченной бровью. А чего стоят эти их дрянные правила – ногами не бить, в эти же ноги не бросаться, побеждает тот, кто стоит, или тот, кто сможет де-

сять секунд удержать противника на земле. Боксеры, темных богинь им на любовное ложе!

Хлесткий хук вывел меня из прострации, и я снова закружил вокруг Тоби. А с виду обычный мужик, разве что жилистый, но удар такой, что если мне еще один в голову прилетит, то, чувствую, до Алиата буду добираться исключительно зигзагами. Тоби сделал полушаг и уже направил очередной «пушечный выстрел» прямо мне в глаз. Резко присев, я успел провести три быстрых, но несильных удара ему в корпус, после чего снова отпрыгнул назад и в который раз закружил против часовой стрелки.

– Да завали ты этого кролика! – донеслось с крыши фургона.

Ну да, я уже минут пять только и делаю, что бегаю по кругу и обрабатываю противника быстрыми очередями. Самому тоже достается, но в партере меня ожидает разве что нокаут. А этому Рокки, кстати, все нипочем: что бью, что не бью, он даже не запыхался. Вот опять вперед попер. Чуть пригнувшись, парень провел серию ударов, обрушившихся на мой блок, как таран на крепостные ворота. Руки отозвались тупой болью, но я стерпел. Тут же, не меняя позиции, Тоби резко выбросил левый кулак вперед, но, не доводя десяти сантиметров, вернул в оборону, а следом уже устремился апперкот правой. Будучи прикрытым ложным выпадом, он, вероятнее всего, нашел бы свою цель, если бы я вовремя не зазевался. О да, моя растерянность спасла мою головуш-

ку. Ведь, по идее, я должен был сделать шаг влево и увернуться, но я не уследил и уже собирался пропустить левый в голову, но его не последовало. А апперкот рассек пустоту.

Не теряя момента, я перенес вес с левой ноги на правую, напряг плечо и с предвкушением направил всю энергию тела в правую руку. Та, как плеть надзирателя, устремилась в подбородок Тоби, а за пару мгновений до столкновения я сжал кулак и максимально напрягся. Глупо, конечно, а ну как сломаю не челюсть врагу, а пальцы себе. Но я надеялся, что Тоби – не я и ворон не считает. И оказался прав. Тот успел увернуться, но удар был слишком быстр, и я все же успел задеть Тоби. Голова чуть качнулась, а я уже отпрыгнул назад. На пару секунд противник дезориентирован. Может, мне хватит. Сделав маленькую перебежку, я очутился с противоположной стороны. Вновь перенеся вес с левой на правую, я выполнил классическую тройку. Сначала два боковых по корпусу, а потом попытался прямым левым дотянуться до скулы. Не получилось: Тоби очнулся и впервые на моей памяти сделал шаг назад.

– Ломай его! – надрывался все тот же голос. Видимо, его обладатель много поставил.

Тоби кивнул и размазался тенью. Тут же из легких пропал весь кислород, в меня как будто опять врезалась машина. Мы упали и покатались по земле. Я отчаянно старался не дать взять себя на болевой, а противник занял оптимальную позицию. Зажал мне руку и пытался ею же придушить.

Здесь бы я и встретил свой конец, если бы не уроки Добряка. Сколько раз мы с ним так же валялись на песке и сколько раз я ощущал, как рвутся связки от разнообразных болевых. Можно сказать, я оказался в своей стихии. Ударив Тоби головой по носу (грязно, конечно, но никто не говорил, что так нельзя), я воспользовался секундным замешательством и извернулся ужом. Тут же рука противника оказалась на сгибе моей. Резко встав, я с некоей долей удовлетворения ощутил, как напряглись связки парня, а затем поляну огласил протяжный скрип трущихся зубов. Тоби резко встал вместе со мной и теперь пытался высвободить руку из левого. Но чем больше усилий он прилагал, тем сильнее я давил. Одновременно с этим я кружил по поляне, вода его за собой, как бычка. Это сбивало противника с толку, а его сознание и так затуманено болью. Наконец я поймал нужный момент и, войдя в ритм, потянул руку вниз. Используя тело соперника как опору, резко вскинул ноги, переплетая их на шее Тоби. Мы упали. Теперь же я не только выламывал ему руку, но и одновременно с этим душил.

– Десять! – раздался крик. – Девять! Восемь! Семь! Шесть! Пять! Четыре! Три! Две! Один!

Я тут же разомкнул тиски и перекатился подальше. Рывком поднявшись на ноги, помог встать Тоби.

– Грязно дерешься, – прохрипел он. Я приготовился к мордобойе без правил. – Но демонски здорово.

Улыбнувшись, я кивнул:

– Ты меня тоже от души помял.

Пожав друг другу руки, мы разошлись. За спиной слышались разочарованные вздохи и звон пересыпаемых монет. И всю эту картину, полную упаднических настроений, разбивали редкие радостные крики тех, кто все же рискнул поставить на телохранителя, то есть на меня. Среди них был и Лохматый. Вообще странный малый, как и его брат-близнец Щербатый. Имен их я не знал, но прозвища говорят сами за себя. Первый из принципа не стригся и не признавал гребней, оттого ходил, как пес после сушки. И по словам Оргонга, нашего командира, в этом я мог составить ему здоровую конкуренцию, хотя мои волосы в разы короче гривы Лохматого. Что до Щербатого, то того так прозвали из-за отсутствия двух верхних передних зубов. Для кого-то эта кличка показалась бы обидной, но только не для Щербатого. Он был какой-то тормознутый, тупил – просто жуть. Но зато умел свистеть и на диво метко стрелял из арбалета. Брат же его даже камнем в стену Сантоса не попал бы, зато фехтовал сносно. А вот Оргонг или Орго – мастер на все руки. Он и топором, и секирой, и бастардом умеет, метательные кинжалы ему сами в ладонь ложатся, а стрела непременно в яблочко попадет. Даже завидки берут.

Сам-то я, кроме кинжалов да сабель, ничем не владею. Лук натянуть – натяну, но скорее себе в ногу попаду, чем в цель. С арбалетом порезвее, но с ним разве что зомби не сладит, так что это не самый лучший пример. Что же до другой

стали, так это не про меня. Если в руки секиру возьму, то в строю мне лучше не стоять, потому как строя не будет, одни лишь трупы, причем, вероятнее всего, трупы своих. Топором я лишь дрова горазд колоть, а бастард в моей руке больше похож на гулящую девку. Куда ему надо, туда он и «идет». До сих пор не понимаю, как на войне выжил с такими навыками. Видать, товарищи подсобили в вопросе выживания.

Другое дело, если в моих руках окажутся сабли или кинжалы. Без ложной скромности заявляю – здесь мне равных нет. Ну, во всяком случае, достойных противников я еще не встречал. Разве что Добряк мог бы поспорить с этим утверждением, но он уже давно в очереди на перерождение.

Наконец за спиной послышались шаркающие шаги, а вскоре показался и сам разумный. Им оказался Лохматый, весело подбрасывающий в воздухе два золотых. Уже и обменять успел, ну жучара! Я протянул руку и изогнул бровь. Телохранитель вздохнул, но монету отдал. Я ее тут же попробовал на зуб, а то знаю я этих торговцев. Но вроде обошлось – мягкая.

– Ох и здорово ты его отделал, – соловьем заливался Лохматый. – И в голову его, и в печень! А с ногами-то, с ногами-то! Я моргнул, ты раз – и навверх, моргнул, и ты хоп – уже к земле его давишь.

Я глубокомысленно кивал на протяжении всего пути до фургона. Так я называю эту крытую повозку-карету, уж больно похожа на западного собрата. Хоть сейчас шляпу на го-

лову, револьверы на пояс – и вперед, гоняться за беглыми преступниками и семейными бандами.

На подходе нас встретил Орго. Судя по тяжелому, металлическому взгляду голубых глаз, он явно недоволен. Спустя мгновение на нас обрушилась отборная брань за то, что мы, такие нехорошие, оставили вельможу без части охраны.

– Орго, дружище, тише, взмолился Лохматый. – Для чего этому вельме столько народу? Ты оглянись: тишь да гладь.

Командир запнулся на полуслове и даже покраснел. После чего раздался стук, схожий с тем, что доводится слышать, когда бьют кочан капусты. А подзатыльники у Орго знатные. Лохматый тут же схватился за ушибленное место и сплюнул.

– А ну, живо на вахту! – рявкнул командир, и парень поплелся к своей лошади.

Вскочив в седло, он убрал монету за пояс и, цокнув языком, подогнал животинку к фургону.

Щербатый подмигнул брательнику и вернулся к своему занятию – пялиться на ладных служанок.

– Капитан! – обратил на меня свой взор Орго.

– Да, лэр! – крикнул я и вытянулся в струнку.

Наука Пило, командира отряда наемников, в котором я когда-то служил, плотно въелась в подкорку: чем громче крикнул, тем меньше проблем от начальства.

– Приведи себя в порядок и сходи воды набери, – вздохнул Орго и ушел куда-то по своим командирским делам.

Ну, делать нечего, приказ есть приказ. Пожав плечами, я

подошел к своему коню, который сейчас мирно пасся на траве. До вахты мне еще далеко – к вечеру только, так что сейчас животинка не навьючена, а мешки с поклажей лежат под сенью неизвестного раскидистого дерева. С виду дуб, а почему-то на тополь похож. Вот, значит, и будет тубом. Как вы уже поняли, я не избавился от привычки придумывать названия всему новому, что встречаю на Ангадоре.

Туб стоял в стороне от нашей стоянки, но за вещи я не волновался, воровать никто здесь не станет. А если станет, то лучше ему, не теряя времени, удавиться. О таком лихаче сразу слух пойдет, и больше его ни в один караван не возьмут, а это, считай, медленная голодная смерть и нищета. Так что закон каравана все соблюдали четко. Подойдя к вещам, я развязал один из мешков и достал деревянную баночку, обмотанную кожей. Отвинтив крышку, набрал на пальцы желтую вязкую жижу – слава всем богам, что без запаха, – и обильно намазал ею синяки и ушибы.

– Помочь? – неожиданно спросил женский голос с явным восточным акцентом.

Я вздрогнул, едва не выронив банку. Подняв голову, увидел одну из служанок вельможи – невысокую ладную девушку со смуглой кожей, темными глазами и черными волосами. Ее звали Сатия.

– Такая страшная? – мило улыбнулась она, заправляя за ушко выбившуюся прядь.

– Что? – А вы не удивляйтесь, что я туплю, меня Тоби

отлично приложил.

– Я такая страшная? – спросила Сатия. – Просто как к тебе ни подойду, ты всегда вздрагиваешь.

Я искренне улыбнулся и поднялся на ноги. Не дело сидеть, если девушка стоит. Хотя Сатия, вероятнее всего, была против: ведь теперь ей приходилось буквально задирать голову.

– Если бы ты подходила, а не подкрадывалась, я бы, возможно, не вздрагивал.

– Ну так что, помочь?

– Да уж сам справился, – пожал я плечами и, схватив рубашку, поднял здоровый бурдюк. – И что-то мне подсказывает, что воду носить ты откажешься.

– А ты бы предложил? – с долей ехидства отозвалась девушка.

– Нет, конечно, – усмехнулся я и отправился к реке.

На ходу я обернулся и помахал Сатии рукой. Служанка ответила тем же и, развернувшись, отправилась к фургону, слегка покачивая бедрами. Поудобнее перехватив бурдюк, я поплелся через пролесок к реке. Все мысли занимала Сатия. Это началось практически с самого начала нашего путешествия. При любой возможности она спешила «помочь». Помощь обычно сводилась к разговорам ни о чем. Каюсь, я ими откровенно наслаждался. Так приятно спустя многие годы просто болтать с симпатичной девушкой. Но ей, видимо, было этого мало... И чем я ей только приглянулся? Парни крутили пальцем у виска, недоумевая, почему я не двига-

уюсь дальше. Даже Орго позволил себе парочку сальных шуточек на эту тему. Я же в этом качестве Сатию даже не рассматривал, внутри поднималось четкое ощущение того, что это неправильно. И когда питерский студент успел стать таким моралистом? Иногда тошно от самого себя становится, но ничего с этим не поделаешь.

А девушка действительно хорошая, добрая, и смех у нее красивый – звучит банально, но чем-то на журчание ручейка похож. Да и вообще вельможе со служанками повезло. Вторая, Лисанда, тоже недурна собой, но слишком уж ответственно подходит к своим обязанностям и с нами, телохранителями, почти не общается. А если и ведет беседу, то исключительно деловую, а потом еще на Сатию шикает, недовольная тем, что та со мной заигрывает. Хотя это и заигрыванием не назовешь, просто болтаем и иногда, когда есть время, бесцельно бродим по лагерю, наслаждаясь обществом друг друга. И все же не понимаю, чем ей мог приглянуться такой неказистый паренек, да еще и бывший наемник. Про нас ведь молва одна – лихой или беглый. Ко мне даже собственный отряд настороженно относится, но я их не виню, да и не пересекаемся мы, насколько это возможно. Теплые отношения у нас не сложились – скорее нейтрально-деловые. Но я не напрягаюсь. Думаю, дойду с ними до Закатного моря, а там наймусь матросом (благо Добряк и этому обучил) и отправлюсь к архипелагу. До Алиата я топать не собираюсь. Все же пересекать пустыню как-то затруднительно, да и

цель моего путешествия, как я полагаю, находится в другом полушарии. Хотя этих бесед и прогулок с Сатией мне будет не хватать.

Зацепившись за сук, я ругнулся, сплюнул и, поправив бурдюк, побрел дальше. Мазь уже подсохла и застыла коркой, но смывать нельзя, надо еще с часик подержать. Что до вельможи или на профессиональном сленге – вельмы, то мы о нем не знаем ровным счетом ничего, даже пола. Но это скорее относится к остальным караванщикам. Я-то уже давно вычислил, что мы охраняем девушку. Все же навыки Добряка и личный опыт... ну ладно, не буду красоваться. Просто как-то ночью мне приспичило до ветру, ну я и отправился, ведомый одним лишь известным чувством. В итоге наткнулся на полянку, где в деревянной бадье стояла нагая леди. Одна из служанок, стоя на маленькой скамеечке, поливала ей голову водой, другая растирала тело. Ну а я... а я повел себя как обычный мужичок с хуторка. Застыл на месте и рот разинул.

Ночи здесь светлые, так что я смог, не напрягаясь, изучить все изгибы стройного тела, все переливы смуглой кожи, а жгуче-черные волосы казались еще темнее. В какой-то момент одна из девушек обернулась, и я в ней узнал Лисанду. Мне тогда пришлось проявить все мастерство Тени, чтобы остаться незамеченным. Нырнув в кусты, я укрылся ветвями, да так и просидел до конца омовения. Служанки завернули девушку в какие-то то ли простыни, то ли полотенца, захватили бадью, пустое ведерко и удалились. Лишь мельком

мне удалось ухватить лицо нашей подопечной. Тонкие, но изящные губы, плавные линии скул, точеный носик и большие зеленые глаза. Не так красива, как герцогиня Лейла, но уверен, не один мужчина пал под ее чарами. Кстати, до ветру я так и не сходил. Вернулся в лагерь и лег спать. Вот только ехидный Морфей не пожелал оставить меня в покое: всю ночь мучил образами да всякими другими непечатными вещами.

Наконец прелесок закончился и я вышел к реке. Здесь она спокойна и величественна, но уже через километр до вас донесется шум, а еще спустя десять минут ходьбы вы наткнетесь на водопад. И дальше, по ущелью, побежит уже не спокойная и величественная река, а бурный, резвый поток. Пороги будут сменяться маленькими перепадами, водовороты – всплесками волн, бьющих о камень. Да и от самого обрыва до глади реки довольно высоко. Так что все сейчас собирают воду в любые емкости, так как пополнить запасы мы сможем еще не скоро.

С приказом Орго я справился всего за полчаса. Тем, кому кажется, что набрать воды в бурдюк легко, скажу: не снимайте свои розовые очки и дальше. Тем же, кто готов трезво взглянуть на реальность, скажу честно – каторжная работа. То бурдюк из рук выскальзывает, то скопившийся воздух воду не пускает, то еще какая беда. В общем, полчаса – еще немного, обычно народ только за час управляется. У меня же за пять лет жизни в лесу накопился своеобразный опыт и

появились характерные умения. И знал я один секрет. Нужно взять камень и чуть придавить горлышко, тогда все будет проще.

Положив бурдюк на берег, я растянулся на песке и закрыл глаза. Солнце грело запарившуюся кожу и отгоняло назойливую мошкару. Приятный ветер остужал и оберегал от излишнего внимания оранжевого диска. Сам того не заметив, я погрузился в сладостную дрему. В конце концов, ничего не произойдет, если я полчаса поваляюсь на солнце. Но дрема все глубже и глубже затягивала меня в свои объятия, и вскоре я поддался этому зову.

Проснулся резко, разом сбрасывая оковы сна и буквально разрывая видения. Левое предплечье нещадно жгло, а с юга тянулся едкий запах паленого. На небе уже сияли звезды, – видимо, спал я куда больше, чем час или два. Ощущение неправильности происходящего только усилилось, а жжение стало поистине ужасным. И только тут меня осенило. Татуировка телохранителя! Поднеся руку к лицу, я увидел, как густым черным цветом налилось изображение щита и рунной вязи под ним. Сердце пропустило удар. Голову тут же наполнили худшие предположения. Схватив бурдюк и набросив рубашку, я помчался через пролесок.

В этот раз я не спотыкался об корни, сучья не трогали руки и лицо. Я бежал, как учил Добряк, я бежал, как научился сам, но порой, как бы быстро ты ни бежал, время все равно быстрее. Вот лицо обдало жаром, а воздух стал жечь легкие.

Я выскочил на поляну и тут же прикрыл глаза. Все вокруг было в огне. Горели повозки, пустые сундуки и ящики, даже люди. Но сознание отказывалось принимать происходящее, оно вопило об иррациональности суровой реальности. Откуда на Сулийской дороге взяться разбойникам, что способны одолеть дюжину охранников и трех телохранителей? Нет, это просто невозможно. Здесь могут быть лихие люди, крестьяне с вилами, шатуны, но организованная банда... И тем не менее я видел, что извозчик все еще держал вожжи в руках, но лицо его уже давно застыло, а глаза подернулись мутной пленкой. Он навсегда останется на своем месте, припиленный к повозке длинным арбалетным болтом, торчащим из груди. Я видел, как других, пронзенных острой сталью, уже объяли языки пламени. Огонь лизал их со страстью пылкой любовницы, и запах горелого мяса наполнял ноздри. Руку снова обожгло. Я обернулся в поисках того, кто мог бы меня призвать. И я его нашел.

Оргонг лежал на земле. Его грудь дрожала, рука сжимала рассеченный живот, а из разрубленной ноги толчками била кровь. Я подбежал к нему. На миг его взгляд очистился, сухие губы прошептали:

– Север!

С этим он ушел. Грудь замерла, а взгляд помутнел. Я только кивнул и, аккуратно опустив голову покойника на землю, обернулся в поисках своих вещей. В голове билась одна мысль: «Лишь бы не забрали, лишь бы не забрали». И ощу-

тил невероятное облегчение, когда в тени туба обнаружил мешки, заваленные ветками и землей. Буквально подлетев к ним, тут же нацепил сабли, отчего сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Я не представляю себе то сумасшествие, что накатило бы на меня, если бы их увели. На рубашку легли две перевязи с листовидными ножами, в голенища сапог ухнули кинжалы. За поясом закрепил две стрелки и еще три ножа. Из одежды взял лишь то, что было на мне, да накинул куртку с плащом. Остальное оставил. Сумку с дневником и писчими принадлежностями закрепил на бедре.

Поднявшись, я схватил оставшиеся мешки и бросил в огонь. Хоть такой вклад в погребальный костер. Но смотреть на устремляющиеся к небу языки пламени не стал. Вместо этого, накинув капюшон, рванул в направлении, что указал Орго. Себя я в произошедшем не винил. Будь я здесь в момент нападения, мало что изменилось бы. Мы не думали о бандитах, их вообще, кроме как на трактах, нигде нет. Но все же червячок совести точил меня, подобно капле, пробивающей камень. Впрочем, сейчас не до этого.

Добежав до леса, я напряг глаза и пошел по следу. Лес – это всегда союзник, иногда нейтральный наблюдатель, но никогда не враг. Последнее часто подвергают сомнению, но так мыслят лишь глупцы. Будучи уверены в своем превосходстве, они приходят в лес и начинают вести себя как хозяйка. Лес не рад таким гостям, он скрывает от них свои блага и показывает лишь колючие кусты да берлоги спящих мед-

ведей. Вот и сейчас в лесу такие типы: они не уважают его, а он подсказывает мне, где найти этих невежд.

Трава, примятая против ветра, шепчет о том, что кого-то тащили, причем грубо. Вот кусочек ткани на суку – была борьба. Слишком тихо поют птицы – прошли давно, но не очень. Слышен вой волка где-то на западе – значит, они на северо-востоке. Чуть приплюснутый бугорок – кажется, шли вереницей.

С уверенностью охотничьего пса я перебежал от одной подсказки к другой. Раздавленный жук, сбитый гриб, помятый куст, обломанная ветка, уксусный запах страха и звуки животного мира вели меня к цели. Возможно, девушка-подопечная еще жива, и тогда я попытаюсь ее спасти, если же нет – сверну на юг и отправлюсь в Рагос. В империи телохранителю, провалившему задание, нет места. Мне не дадут работы, а обыватели будут смотреть исключительно как на лихого наемника. А там и до подставы от государевых людей недалеко. Спишут на меня какое душегубство – и здравствуй, рудник.

На миг я замер. Ухнула сова, заворчала лиса – рядом труп. Подбежав поближе, я опознал одну из служанок. Разбитое лицо, изломанные пальцы, порванное платье. Она сражалась, но сражалась не за себя, а за кого-то. Ее убили, но не притронулись к телу. Значит, действительно банда: не стали тратить время на развлечения. Интересно, что такое везли наши караванщики, что за ними выдвинулась целая группи-

ровка? По-хорошему, нужно похоронить девушку, не палить же погребальный костер посреди летнего леса. Но времени нет. Я двинулся дальше.

Ночь укрывала меня в тенях, да я и сам не мальчик в этом вопросе. Звери не видели меня, не чуяли и не слышали. Я знал, как надо ходить в лесу, и знал, как вести себя на охоте. Вскоре смолкли птицы, а следов стало больше. Где-то вдалеке слышен шум водопада. Они близко, я рядом. Подсказки уже не нужны: следы столь явны, что их нашел бы любой мало-мальски внимательный разумный. Когда же впереди показались огни, я понял, как глубоко ошибался, полагая, что за десять минут сна ничего не произойдет.

Вся предыдущая декада спокойствия была оправдана лишь одним фактом – нас вели. Вели, как овец на убой. Не знаю, кто проданся или был внедрен – разведчики или главный погонщик, – но банда эта столь нагла, что решила не охотиться за добычей, а привести ее в логово. Будь ситуация немного другой, я бы восхитился их наглостью, бесстрашием и решительностью. Но не сейчас. Времени мало, в данный момент они пьяны от крови и трофеев. В голову бьет адреналин, даже отсюда слышны победные крики и перезвон лютен. Они не скрываются. Зачем, здесь уже нет власти правителя, только власть баронов, а им заплати – и делай что хочешь. Может быть, я встречу тут своих братьев по цеху – наемников, полностью оправдывающих ходящую о нас молву.

Я замер и сосредоточился на метке. Я уже достаточно

близко к лагерю, и, если девушка еще жива, метка найдет ее. Возможно, после следующих слов многие из вас проклянут меня, обвинят в малодушии и трусости, но часть меня, та самая предательская часть, что есть в каждом человеке, отчаянно желала, чтобы девушка была мертва. Лишь одно утешало: мне не понадобилось никаких усилий, чтобы заткнуть этот предательский писк. Он сам замолк, когда метка обнаружила цель.

Я достал флягу и вылил немного воды на землю. Немного потыкав в нее палкой, валявшейся рядом, зачерпнул получившуюся жижу и тщательно измазал ею лицо и шею. И лишь потом понял, что не на охоту иду, а на диверсию. Ругнувшись, помянул недобрым словом вбитые привычки, но смывать было уже поздно. Ну и пусть, если что – станет фактором устрашения. Хотя сам я тоже не бесстрашный герой. Страх, как и всегда, чувствовался, но не затапливал сознание. Он, как верная собака, терся об ногу. Но не стоит упиваться этим ощущением: одна ошибка – и страх нападет с силой, неведомой смертным.

Метка вела меня, и я аккуратно обходил лагерь. Всего палаток было около двух дюжин. Большая банда, больше полусотни. Наверное, действительно наемники. В какой-то момент я запнулся за что-то взглядом и напряг зрение. Так и есть, в центре лагеря у костра находился импровизированный загон, в котором я увидел торговцев из каравана и неизвестных людей. Среди них были и женщины, но лучше бы

я их не видел. Во мне еще теплилась надежда, что большинство наемников так же собранны, дисциплинированы и благородны, как и «пробитые», но последние воздушные замки рухнули, когда я увидел то состояние, в котором пребывали женщины. Возможно, легионеры правы, когда при первом подозрении вешают наемников на ближайшем суку... А спустя пару мгновений из груди вырвался вздох сожаления. Среди пленников не было ни Сатии, ни ее госпожи. И если о местонахождении леди я уже догадался, то со смуглой служанкой все гораздо хуже. Она могла быть в любой из палаток, и теоретически найти ее можно. И тогда передо мной встал выбор. Возможно, вам покажется, что выбор этот тяжел, и вы опять меня проклянете, но на раздумья ушла лишь пара секунд. Я двинулся к самому большому шатру, где должна была находиться подопечная. У меня нет времени, чтобы разъяснять вам свою позицию в этом вопросе, но, клянусь всеми богами, когда выпадет спокойный час, я обязательно расскажу, почему поступил именно так. Почему вместо практически подружки отправился спасать незнакомо-го мне человека.

Тени надежно укрывали меня, когда я почти вплотную подобрался к шатру. Но я не Добряк и не могу ходить в скрыте перед глазами толпы. И хотя здесь не толпа, а всего двое стражников, это сути дела не меняет. Слишком пристально они всматриваются во тьму, слишком много света дают четыре факела на треногах. Я открыл сумку и тихонечко вы-

ташил свой дневник. Прошептав название нужного заклинания, я смотрел на то, как страницы сами перелистываются, ища нужное место. Наконец их нехитрый танец замер и я нашел нужный раздел, в котором покоились всего четыре закладки. Больше мне и не нужно. Взяв две, я зажал их между пальцами и, подождав, пока трафареты наполнятся энергией, метнул их в стражников. По печати на брата. Я ощутил дуновение магии, но вспышек не было. Эту печать я придумал специально с тем умыслом, чтобы без всяких спецэффектов.

Не теряя времени, я подошел к охранникам. На миг меня затуманил азарт исследователя, то есть лихорадка любого чертильщика. Наемники – теперь я уверен, что это они, – застыли, как каменные, и в ужасе уставились на меня. Ну да, оцепенение – та еще неприятность. Но не стоит медлить. Отодвинув шторку, я вошел внутрь. Какая же картина престала передо мной!.. На шкурах сидел мужик. С сальными волосами, кривыми пальцами, что ковыряли ножом в зубах, и ехидной ухмылочкой. Напротив него стояла девушка. Я видел ее сбоку, но даже отсюда заметил, как грозно блестят ее мокрые от слез глаза. На щеке красовалась красная отметина в форме мужской ладони.

– Лучше сама разденься. Если буду раздевать я, тебе это не понравится, – усмехнулся главарь лихих наемников.

Даже голос у него какой-то мерзкий, но, скорее всего, это игра моего подсознания. Девушка хотела что-то сказать в от-

вет, да и главарь тоже собирался морально уничтожить пленницу, но они оба обнаружили на сцене нового актера.

– Ты кто такой? – прошипел глава и поднялся со шкур.

– Ты знаешь... – протянул я. В минуты смертельной опасности меня всегда тянет провентилировать легкие и поболтать о том о сем. – Ты знаешь, в последнее время я задаюсь тем же вопросом.

Но последнюю фразу главарь не расслышал, да и вообще он больше ничего не услышит и не ощутит. Ведь листовидный нож в глазнице лишает жертву не только слуха, но и всех других чувств. Бандит упал, а я схватил девушку за руку. На ее лице читались смятение, радость, страх, решительность, незадаанный вопрос и еще сотня других оттенков.

– Барышня, – я буквально физически ощущал, как утекает время, – вы можете бежать, только честно?

Та отрицательно покачала головой. Кивнув, я подхватил ее на руки. Девушка охнула от неожиданности, а я почувствовал, что к запаху гари, исходящему от ее волос, примешивается другой – запах каких-то знакомых цветов.

– Значит, так. Сейчас мы побежим. Ваша задача – только держаться, а если боитесь – лучше закройте глаза.

Девушка кивнула, обхватила мою шею и крепко зажмурилась. Что ж, давно я уже не играл в салочки со жнецом, а с женщиной на руках такое будет впервые. Выйдя из шатра, я подмигнул стражникам и припустил на запад. Я бежал как мог, но все же было тяжело. А когда позади слышались

крики и воздух задрожал от свиста стрел, стало еще и страшно. В этот раз страх больше не терся об ногу, он скалил клыки и готовился напасть. Но я не мог одновременно бежать, держа на руках девушку, сражаться со страхом, уклоняться от стрел и еще стараться, чтобы дыхание жнеца не коснулось нас. Поэтому я поступил проще – просто проигнорировал этот самый страх.

Деревья оказывались за спиной, а ветки хлестали подобно кнутам. Я мчался не разбирая дороги. Удивительно, что девушка не открыла глаза, не вскричала и не попыталась вырваться. Ведь ей приходилось хуже всего: большинство ударов веток приходилось на нее, а она молчала и только крепче поджимала губы. Когда, в очередной раз споткнувшись, я лишь чудом сохранил равновесие, мне показалось, что смерть рядом. А когда просвистевший рядом арбалетный болт рассек мне правое плечо, я понял, как близок к очереди на перерождение. Но самые опасные ситуации порождают воистину безумные идеи, которые в такие моменты кажутся верхом благоразумия.

Изменив направление, я побежал в сторону, откуда доносился шум водяного потока. Крики приближались, спиной я чувствовал жар факелов, стрел прибавилось. Я уставал, и деревья больше не могли служить надежным щитом.

Непонятно как, но я, не сбавляя шага, перепрыгнул овраг. На мгновение крики поутихли. Преследователи бежали толпой, и для них этот маленький овражек оказался серьезным

препятствием. Я выиграл пару секунд, и вскоре мы добрались до края нашего марафона. Да-да, именно края, потому как внизу, кроме черноты пропасти, больше ничего не было.

– Эй! – окликнул я девушку. Ее одежда была изрезана, а кое-где виднелись кровавые царапины. Слова обжигали легкие, в глазах все плыло. – Как насчет полетать?

Леди открыла глаза, огляделась, что-то поняла и с ужасом уставилась на меня.

– Ага, я тоже думаю, что немного сошел с ума, – все, что смог выдавить я из себя, и с разбегу, не разжимая объятий, сиганул в черноту ущелья.

Не знаю, сколько длилось наше падение. Девушка что-то кричала, но все, что я мог видеть в тот момент, – это два зеленых озера, затянувших меня в свои глубины намного раньше, чем бурный поток сомкнулся над нашими головами.

Глава 2. Разногласия

Удар о поверхность бурного потока был болезненным. По спине стрельнуло с ужасной силой, но мышцы сберегли кости. А потом – тьма и безумный калейдоскоп из смутных, неясных картинок и целой гаммы чувств и переживаний. Вода несла нас, билась и терзала, кружила, как в безумном танго, то подбрасывая, то спуская вниз, порог следовал за порогом, а я лишь молил богов, чтобы не врезаться в камень. Повернувшись грудью к течению, я подхватил девушку и поднял ее так высоко, как только мог. Она еще при падении потеряла сознание, и я опасался, что леди попросту утонет. И снова поток. Нас накрыло с головой, цвета померкли. Гул в ушах стоял такой, какой не даст и турбина «боинга», уходящего на взлет.

И едва мозг пронзила идея, а мышцы напряглись, дабы выполнить завет, как поток выплюнул нас на поверхность и закружил в этом безумии. Спина болела нещадно, руки, казалось, давно одеревенели, но я все еще держал черноволосую леди. Лицо девушки то и дело погружалось под воду, но я чувствовал ее дыхание и был спокоен. Ну насколько это вообще возможно – сохранить спокойствие в такой-то ситуации. И снова порог, и снова водоворот. Глаза уже мало что видели, мозг отказывался воспринимать реальность. Неожиданно передо мной всплыл образ корня, торчащего из зем-

ляного навеса впереди.

В этот миг палка чудилась мне дланью небес, рукой ангела, спустившегося из замка, дабы спасти несчастных. Но поток иного мнения – он отнес нас в сторону, и палка осталась позади. А когда я вновь вынырнул на поверхность, недавняя длань Господня почудилась мне аспидом смертельным, готовым в любую секунду вонзить свои отравленные клыки в плоть и лишит последней надежды. Во время этой бешеной гонки, когда по пятам за нами следовал темный жнец, мое сознание захватывало одно: мольба о том, чтобы речной дух отвел от нас камни и утихомирил поток.

Не знаю, сколько минут или часов мы так провели, сколько палок, веток и корней хлестали меня по спине. Но в какой-то момент все прекратилось. Пропал гул в ушах, вода больше не резала глаза и не забивалась в нос, мешая дышать. Грудь не сдавливала непреодолимая сила, а ноги, до сих пор ватные и безвольные, нащупали дно. С трудом придя в себя, я огляделся. Мы стояли на отмели, а где-то далеко позади виднелся другой водопад. Удивительно, но во время всей этой вакханалии я не заметил, как мы сорвались вниз уже во второй раз. А потом догадался посмотреть на свою ношу и облегченно выдохнул. Леди была жива. Грудь ее мерно и безмятежно вздымалась вверх и опускалась вниз, сохраняя спокойный ритм. С моих рук резво стекали кровавые струйки, то же я ощущал на спине и ногах. Все тело было покрыто глубокими царапинами.

Собрав волю в кулак, я поплелся к берегу. И путь этот, не извилистый, не тернистый, показался мне столь длинным, что впору было свистнуть и вызвать кебмена. Наконец я преодолел эти несчастные пять метров, осторожно опустил леди на песчаный берег и рядом рухнул сам. Желтые песчинки тут же прилипли к одежде, лицу и телу. Я не обращал на это внимания. Морфей, старый пройдоха, отогнал разочарованного жнеца и решил было забрать меня с собой. Титаническим усилием я сбросил оковы подступающего сна и, подхватив на руки, которых уже давно не чувствовал, спящую леди, понес ее в гущу леса. Воздух подернулся серебристой дымкой, от влаги слезились глаза, а лицом я ощущал подступающий жар. На востоке всходило солнце.

Этот вечно золотой и вечно молодой комочек света будто говорил: «Ты жив, ты дышишь». И осознание того простого факта, что можно дышать, не отплевываясь от воды и не боясь в любую секунду быть пронзенным острой скалой, захлестывало меня не хуже ревущего потока. На миг я остановился и посмотрел вперед – на восток. Еще одна ночь позади, еще один день впереди. А пока я могу постоять на развилке времени и ухватить кусочек будущего. Впереди меня ждут баронства, королевство Курдмар, Цветущие холмы, Рассветное море, Великая пустыня, и в самом конце этого пути финишной ленточкой, далеким огоньком олимпийского факела сияет золотом дворцов Алиат. Что ж, моя маленькая одиссея началась. А ведь сколько раз я себе говорил: «Будь осторож-

нее с желаниями, парень!» Но нет...

Ругнувшись, я понес девушку к поляне, что виднелась неподалеку.

Абель Рихт, старший следователь Третьей управы

По широкому проспекту пронесся протяжный свист, и уже через десяток секунд около высокой фигуры в сером плаще остановился небольшой кеб. Фигура юркнула в повозку, и та покатила в южном направлении. В повозке сидел Абель Рихт, старший следователь Третьей управы.

Заплатив извозчику несколько медных монеток, Ищейка направил свои стопы к академии. Быстро посмотрев в окно, Абель тут же задернул шторы – у него было ужасное настроение. И нет, это никак не связано с выговором от начальства и новым делом. Просто Рихт ненавидел солнце и все, что с ним связано. Днем ему было не по себе. В окружении толпы разумных, среди бесконечных криков и суеты он чувствовал себя чужим. Летом же и вовсе жутко потел, и приходилось постоянно платить за охлаждающие амулеты. Другое дело – ночь и сумерки. О, это воистину рай земной для Абеля! Его глаза превосходно видят во мгле, за что сослуживцы и прозвали его Ищейкой. Прохладный ветер обдувает волосы. Звезды, луна и фонари дают достаточно света, а игры теней столь причудливы, что порой Абель может часами наблюдать за этим явлением. Ну и чего греха таить – самые

ужасные вещи творятся именно ночью, а значит, в это время суток наибольший шанс разгадать очередную загадку.

Да, как бы это глупо ни звучало, сын простого ремесленника обожал загадки. Еще в детстве он, в отличие от других детей, играющих на улице в монстров и героев, сидел дома и при свете лучины мог читать, читать и еще раз читать. Когда же книги в доме отца закончились, он стал подрабатывать грузчиком на рынке и за декаду работы мог скопить достаточно, чтобы купить истрепанный свиток. А за сезон – даже потрепанную книжицу. Быть может, если бы судьба иначе повернула ход событий, Абель стал бы не следователем, государевым человеком, а архивариусом. Но как это часто случается, у богов свои планы.

Однажды, работая на рынке, Абель услышал протяжный крик. Сам не зная почему, он бросил поклажу и рванул в сторону, откуда доносились звуки борьбы и сыплющихся проклятий. И что же он увидел? Три стража избивали своими начищенными сапогами маленького ребенка – босоту. А толпа – толпа просто стояла и смотрела, да еще наслаждалась зрелищем.

За годы работы грузчиком и помощником в мастерской отца Абель стал достаточно крепким и сильным юношей. Он налетел на этих стражей и всего за пару минут раскидал их в разные стороны. Но те позвали подмогу, и двоих пацанов скрутили. Так Абель попал в застенки Первой управы. Его редко кормили, и он часто ежился от холода и сырости ма-

ленького каменного мешка, по ошибке названного камерой. Прошло четыре дня, и его повели на допрос. В камеру вошли стражники и, схватив его за руки, потащили по извилистым лабиринтам коридоров. Кинув бедолагу в кабинет, они быстро удалились.

Рихт до сих пор помнил тот запах смерти и отчаяния, что стоял в этом кабинете, да и сам человек, сидевший за дубовым столом, не внушал ни йоты доверия. Мужчина был коренаст, широкоплеч, но его глаза, стальные с голубоватым отливом, смотрели буквально сквозь Абеля. И юноша чувствовал опасность, исходившую от человека. Тогда мужчина спросил, почему же добрый горожанин вступился за воришку-босоту. И вновь что-то овладело Абелем. Он выпрямил спину и, криво усмехнувшись, заявил, что босота, может, и был воришкой, но в том инциденте не виноват. Дознаватель изогнул бровь и поинтересовался, что же натолкнуло парня на эту мысль. И тогда Абель выложил все как на духу. Как заметил маленькие свежие царапины и ссадины на ступнях мальчика: это говорило о том, что он из старого района, где уже давно не чинили мощеные улочки. Район находится на севере, а оттуда не доберешься прогулочным шагом в центр рынка к девяти. Значит, мальчик бежал бегом, видимо, с каким-то поручением. Еще Абель заметил, как пытается отойти подальше продавец «ограбленного» лотка и старательно что-то смахивает с прилавка, роняя в суму. Как третий страж держится за карман и с опаской поглядывает на своих со-

служивцев. Все это почему-то наталкивало Абея на идею о невиновности мальчика. Пока он не мог собрать гобелен по ниточкам, но это чувство точило его изнутри и не давало заснуть.

Тогда дознаватель выложил на стол три серебряные монетки. Он сказал, что их нашли у босоты, якобы именно их мальчишка стащил с прилавка. Крупная сумма, за такое либо руку по локоть, либо на рудник. Но Абель лишь пожал плечами и сказал, что это прекрасно вписывается в картину, которую он обрисовал: мальчика отправили с поручением. После этой фразы они долго играли с дознавателем в гляделки, пока мужчина не хмыкнул. Довольно улыбнувшись, он достал из стола ключ и снял с опешившего Абея цепи. Затем снова был длинный путь по коридорам, пока Рихта не подвели к другой допросной. Из-за кованой двери доносились страшные крики, плач, а в ноздри бил запах аммиака.

– Этот страж, Тург Тистиан, брал дань с торговцев, – будничным тоном рассказывал Абею дознаватель, а в это время крики слились в один поток. – За три серебряника в декаду он гарантировал лавочникам безопасность, босота их не трогала. Пятого дня он случайно столкнулся с тем мальчиком, когда принимал деньги от торговца. Это заметили его сослуживцы. Тургу пришлось сделать вид, что рассыпанные на земле монеты – это неудача воришки. Его хотели забить прямо там, на улице. Но вмешался ты, а мимо проходил мой сотрудник. Удивительно, но ты заметил даже больше, чем

он. Моему соколу лишь чутье подсказало, что что-то здесь не так.

Наконец крики затихли, а юноша почувствовал, как по тускло освещенному коридору пронесся прохладный ветерок – жнец явился за своим. Дознаватель схватил Абеля за плечо и резко развернул к себе, приближаясь настолько, что их носы разделяла лишь тонкая полоска воздуха.

– Ты бы не навредил невинному, если бы не был уверен в его виновности? – прошептал мужчина.

Парнишка отрицательно покачал головой. Дознаватель улыбнулся и задал еще один вопрос. В любой истории есть поворотный момент. Деталь, которая решает весь дальнейший сюжет. Таким в истории Абеля Рихта стал следующий вопрос:

– Ты хочешь стать государевым человеком?

Нетрудно догадаться, что на это ответил взволнованный юноша.

Наконец кеб остановился, и следователь, опустив подножку, выбрался на улицу. На востоке уже поднималось солнце, окрашивая небо в пастельные тона. Абель сплюнул. Он не любил утро еще больше, чем день. Накинув на голову капюшон, пряча лицо в его тени, следователь двинулся к воротам академии. Пожалуй, стоит рассказать, почему эта фигура в сером плаще так уверенно шла к обители магов. Абель уже не один год распутывал преступные клубки, и еще ни разу

цель не уходила от него. Неважно, будь то черный маг, убийца, вор, насильник, шпион или беглый каторжник. Все это не имело значения: если есть загадка, Абель разгадывал ее. Но все бывает в первый раз, и чуть меньше года назад осечка случилась и у него.

В тот день во время оперы в Императорском театре произошло убийство аристократа. Громкое было дело. Посетителей оперы буквально через сито просеяли, но убийцу не нашли ни тогда, ни после. И лишь один нюанс остался в памяти Абеля. Странность, вызвавшая сомнения. Но из-за клятвы не вредить невиновным, покуда их вина не будет доказана, Абель не мог позволить себе большего. Он и так поддавался эмоциям и буквально пытал молодого мужчину. Но все, чего смог добиться, – это туманные ответы на четко поставленные вопросы. Это была странность номер один.

Затем была странность номер два. Непонятно почему в городе случилась настоящая эпидемия отравления «Златозмейкой» – сывороткой с жуткими свойствами. Абель не получил то дело, но что-то заставило его идти по следу, который вывел дознавателя на улицу Пяти Ям, к лавке старухи-травницы. Ужасная женщина, но, как оказалось, кроме дешевых трав сомнительного свойства ничем не торговавшая. Рихт взял с нее штраф и приказал к лету убраться из его города. Старуха кивнула.

Какое-то время на Сантос спустилась тишина. Убийцу аристократа все еще искали, но того как будто не существо-

вало. Лишь Абель чувствовал, что жгучая тайна приподнимает свой темный саван. Абель ждал, он умел это делать. И вскоре город буквально затопили странности.

Сначала инцидент в академии – смерть одного из студиязусов. Сам по себе этот факт ничем не примечателен, только за этот год Третья управа расследовала десять подобных случаев. Но вот смерть «сильнейшего мага столетия», как называли погибшего студента, – к тому же после того, как маги заявили, что на той поляне сражались без магии, – это уже из области пьяных бредней. Абель хотел побеседовать с убийцей, но ему доложили, что тот пропал. Тогда Рихт лишь чудом не сошел с ума. Как мог пропасть подозреваемый из самого охраняемого комплекса во всей империи? «Как?» – спрашивал он, но ответа не было. А затем случилось страшное – отравили старшего принца, и не чем-нибудь, а королем ядов. Самой страшной отравой, когда-либо созданной разумными.

В докладе значилось, что отравитель и способ доставки яда неизвестны. Но Абель снова ощутил, как в его груди поднимается то самое чувство, что помогло ему спасти мальчика-босоту. Рихт снова стал ждать. Ждать, когда принц умрет. Прошло десять дней, и тело наследника стали готовить к последнему путешествию. Не будем пускаться в пространные объяснения, рассказывая, чего стоило Абелю подобраться к трупу. Тщательный осмотр выявил маленький, крохотный порез на лице принца. Азарт погони завладел следователем.

Пользуясь своим пропуском, он поднялся в спальню ныне покойного принца и внимательно осмотрел все, что можно было осмотреть. И на одной из стен, противоположной окну и кровати, нашел небольшое углубление, идеально подходящее под характерный кинжал убийцы.

Абель верил: если догадка невозможна, то сложи все странности воедино – и самая бредовая идея будет недалеко от истины. Последнее, что требовалось следователю, – ключ к мозаике, и за ним он отправился в академию. Когда-то, будучи еще ребенком, Абель и сам мечтал учиться здесь, мечтал стать магом. Но он ни разу не пожалел о том, что стал государевым человеком. Загадки были для него всем: они были воздухом, наполнявшим легкие, кровью, бегущей по венам, душой, жившей в сердце. И сейчас он напал на след, ведущий к разгадке, быть может, тайны всей его жизни. И эта тайна почему-то казалось ему куда более страшной и важной, чем три связанных между собой убийства. Нет, за этим стоит что-то еще. Что-то громадное, что-то, для разгадки чего он и пришел в этот мир.

Показав свой медальон двум стражникам на воротах, Рихт с легкой улыбкой наблюдал, как те вздрогнули и тут же бросились открывать створки. Абель прошел на территорию академии и, не глядя по сторонам, буквально бросился к пятому корпусу, где находились архив и отдел по работе со студиями.

Он миновал парк, столкнулся с обнимающейся парочкой,

посмотрел на статую девы, застывшей в очень странной позе, и остановился перед одноэтажным зданием. Отворив дверь, зашел внутрь. В ноздри ударил характерный запах. Рихт почувствовал чей-то взгляд на спине. Не обращая на это внимания, он рванул к стойке, выложил медальон на прилавок и разве что не рывкнул на молоденькую сотрудницу:

– Личное дело студиозуса Тима Ройса! Живо!

Девушка чуть в обморок не свалилась и уже через мгновение спряталась во тьме стеллажей. Еще пару минут спустя она вернулась с папкой. Это имя Абель запомнил, когда расследовал дело о смерти «сильнейшего мага». Дрожащими руками взяв папку, Рихт стал лихорадочно перелистывать пергаментные листы, ища нужный. И вот он наконец наткнулся на лист с портретом. Дыхание перехватило, сердце было готово выпрыгнуть из груди, а ноги чуть ли не подогнулись, когда следователь узнал это лицо. Лицо человека, что так нагло хамил ему в опере и вызвал столько подозрений, но затем бесследно исчез. Странности складываются воедино...

– Я конфискую это! – крикнул Абель и вышел из здания.

Теперь оставалось только идти по следу, и начинался этот след в Гайнесском графстве. Абель уже собирался закрыть папку, где сейчас читал лист «Биография», как его остановил низкий голос:

– Ты ищешь Тима Ройса?

Рихт обернулся и замер. Перед ним стоял разумный с белыми волосами, красными глазами и острыми ушами. Нет

сомнений, это был темный эльф.

– Да, – ответил ему Абель.

– Тогда я с тобой, – спокойно сказал эльф и пошел прямо.

Сам не зная почему, следователь доверился своему «нюху ищейки» и, кивнув, также зашагал по дорожке, ведущей к воротам. Осталось немного – эта история непременно откроет ему свои секреты. Абель никогда не проигрывает.

Тим, мокрый и сонный

Сняв плащ, я положил его на траву, а на него уже опустил замерзшую девушку. Губы ее посинели от холода, она вся мелко дрожала и стучала зубами, но в сознание не приходила. Да и, если честно, приводить ее в чувство я не собирался, во всяком случае – в ближайшее время. Сняв мокрую куртку с рубашкой, я поблагодарил себя за предусмотрительность: сумка на бедре, где покоились дневник и писчие принадлежности, была непромокаемой, и вещи не пострадали. Лишь теперь я понял, насколько трудно мне дались два проклятия. Чтобы «заморозить» охранников, я потратил практически все магические силы. Оставалась самая кроха, которую я сейчас и намеревался использовать. За пару минут собрав хворост, я сложил его шалашом, достал из дневника нужную печать и, зажав ее между указательным и безымянным пальцами, напита́л энергией. Когда же трафарет лег на сучья и ветки, те сразу занялись веселым пламенем. Холод

потихоньку отступал.

Воткнув две палки, я натянул на них мокрую одежду и оставил на просушку. Штаны снимать не решился, а ну как муравьи закусают. Ну а теперь самая опасная часть, опасная не сейчас, а в ближайшем обозримом будущем.

Подойдя к леди, я бережно поднял ее на руки и перенес к костру. Плащ также повесил на палку, благо тот из особой ткани и влага его не пропитала. Должно хватить минуты, чтобы он высох и нагрелся. Что неудивительно: плащ-то – походный, будь он простым, первый ливень – и здравствуй, лихорадка. В другом настроении я бы отвернулся в сторону или прикрыл глаза, ну а так... демоны с ними, с последствиями. Я стянул с девушки мокрое, но относительно целое платье и, воткнув еще несколько палок, повесил на просушку и его. Под этим самым платьем у леди оказалось весьма забавное нижнее белье. Ну, забавное для землянина, а для ангадорца эти длинные, по колено, странные белые штанишки и непонятная маечка до ягодиц сакральнее и возбуждательнее, чем мини-бикини.

Сняв подсохший плащ, я завернул в него девушку и вместе с ней подсел к огню. Усадив дрожавшую леди перед собой, обнял ее. Ничто так не согревает, как тепло другого человека. Прибавим сюда костер, и пожалуйста – через десяток минут губы подопечной налились цветом, она перестала дрожать и задышала ровнее. Не знаю, что ей сейчас показывает Морфей, но пусть это будут самые спокойные сны, ко-

торые только есть у него в запасниках. Когда она проснется, мне будет не с руки выслушивать крики разъяренной фурии. Хотя их и так не избежать.

Прошло несколько часов. Солнце уже полностью восставило свои права и, будто доказывая сей факт, светило нестерпимо ярко. Сам того не замечая, я начал поддаваться власти повелителя долины снов. Пришлось оставить девушку одну и походить по поляне. Найдя несколько нужных травок, я вспомнил, что у меня нет котелка, а только фляга, чудом не слетевшая с пояса. Что ж, делать нечего. Засунув два пучка в рот, я старательно их разжевал, а получившийся комочек выплюнул в руку. Потом поднес кулак к губам, сжал его и выпил темно-зеленую струйку, стекающую с руки. По-хорошему, такой концентрат пить не следует, но меня на вахте сменить некому, и спать нельзя. Дня на три хватит, а потом придумаю что-нибудь. Главное, на исходе третьего дня не подохнуть от побочных эффектов, но кто не рискует, того ночью зверье грызет.

Когда я вернулся к костру, то не сразу понял, что меня смущает. А потом догадался. Девушка смотрела на меня своими большими зелеными глазами, в которых читались все муки бездны, сдобренные пыточными камерами Третьей управы. Классный коктейль, если ты мазохист, конечно.

– Доброе утро? – полуспросил я, склонив голову набок. Тишина и свет грозно горящих глаз были мне ответом.
– Шалом?

Шутку, что неудивительно, не оценили. Девушка все так же продолжала сверлить меня своими кошачьими гляделками. Вздохнув, я сел напротив и, достав сабли, стал вырисовывать на земле карту. В памяти она была, но так нагляднее. Может, и маршрут какой выберу. Вот за что люблю свои походные ножны: если с силой саблю не дернешь – не вытащишь. Умеют же люди делать.

– Кто меня раздел? – натурально прошипела леди. А голос у нее приятный, с легким восточным акцентом.

Я посмотрел на спутницу. Вот ведь женщины – странные существа. Мы чуть не погибли, а она об одежке своей беспокоится... Нет, не понять мне женскую натуру.

– Ну я, – пожал я плечами.

– Как ты посмел?! Смерд!

Ну вот, день только начался, а меня уже обзывают. Демоны, ну почему разбойникам так нужно насиловать всех и вся? Почему просто не прирезали и не обобрали? Или хотели восточным соседям в качестве рабов продать? Какая же сложная штука – жизнь...

– Если бы мог отмотать время назад, – начал я, не отрываясь от черчения карты, – то обязательно оставил бы вас мерзнуть в промокшем платье. А пару дней спустя копал бы вам могилку, лихорадка – та еще дамочка. Впрочем, вы с ней чем-то похожи.

– Промокшем? – недоверчиво переспросила девушка.

Я замер, готовясь к худшему. Не знаю, как влияет шок на

людей, никогда не видел, но подозревал, что именно сейчас с этим столкнусь. На какой-то момент глаза девушки подернулись пленкой, а потом она вскочила, сбрасывая с себя плащ. Ее красивые зеленые глаза шарили по поляне, она медленно вспоминала вчерашние события. Постепенно смуглое лицо белело, и от нее ощутимо повеяло страхом.

– Сатия! Лисанда! – крикнула леди. Голос ее был полон надежды и затаенной боли.

В ответ лишь мерно шелестели листья деревьев, а ветер перебирал растрепавшиеся черные волосы. На миг я залюбовался этим видением, но тут же отогнал от себя замысловатые образы.

– О нет! – ахнула леди и рухнула на колени. Я не знал, что надо делать, и, боясь все испортить, просто продолжал наблюдать. – Мы... мы... мы должны спасти их. Ты должен спасти их!

Я лишь покачал головой. Она даже не помнит, что Лисанда погибла, вероятнее всего, защищая свою госпожу. Я промолчал, а девушку снова захлестнули воспоминания. В глазах сначала появился отблеск отчаяния, но потом они загорелись решительным блеском.

– Мы идем спасать Сатию! – крикнула она и снова вскочила на ноги, видимо, что-то вспомнив.

Я подождал, пока леди натянет на себя платье, и тоже встал. Девушка с благодарностью посмотрела на меня, но, заметив мой чуть извиняющийся взгляд, сменила одобрение

на подозрение.

– Что-то не так? – спросила она.

– Да, – кивнул я. – Мы никуда не идем.

– Что?! Но ведь они погибнут. Мы должны, просто обязаны...

– Успокойтесь, леди, – вздохнул я. – Река унесла нас далеко вниз по течению. И до лагеря идти дня три, а то и все четыре...

– Значит, будем идти! – перебила меня не собиравшаяся сдаваться подопечная.

– И когда мы дойдем, – продолжил я, – то увидим лишь пепел от костров и горку трупов. Увы, рисковать вашей и своей жизнью ради похоронного обряда мне не с руки.

– Трупов?

– Именно, – просто ответил я. – И Сатия, и все пленники еще этим вечером встретились со жнецом.

Девушка снова рухнула на колени. Сел и я. Не знаю, что там за мысли кружились в голове моей спутницы, но я был готов к любым неприятностям, связанным с ее нежеланием принять реальность такой, какова она есть.

– Нет-нет, – шептала она. – Я видела загон. Они еще живы! Мы не можем уйти без Сатии!

Наверное, смуглянка опять вскочила бы на ноги, но вместо нее поднялся я. Подойдя к леди, положил руки на хрупкие плечи и заглянул в зеленые омуты.

– Они мертвы, – отчетливо проговорил я. – Смиритесь,

миледи. А если хотите кого-то в этом винить – вините меня.

Она некоторое время молчала, а потом произнесла:

– П-почему?

Я сел напротив, спиной к огню. Его жар приободрял и давал силы.

– Вы знаете о религии имперцев?

Леди кивнула.

– Вы знаете о Кровавой Харте?

Собеседница вновь кивнула, но слегка неуверенно.

– Что ж, видимо, вы знаете не очень много, – сделал я самый простой вывод. – Раз так, то слушайте внимательно. Богиню Харту называют Кровавой не потому, что она покровительствует разбойникам, убийцам, наемникам, ворам и пиратам, а потому, что она единственная принимает жертвы от своих верующих.

В зеленых глазах теперь плескались страх и недоверие. Я продолжил:

– Когда умирает один вожак, немедленно должен быть выбран другой. Это самый сильный, хитрый и подлый из группы, если вопрос касается разбойников. Но мало выбора смертных, нового вожака должна признать Харта. И тогда в ход вступает старый ритуал. Он так и называется – ритуал крови. Когда я убил прошлого вожака, то запустил этот механизм. Когда мы ушли от погони, разбойники вернулись в лагерь и тут же выбрали нового предводителя.

– Но ритуал...

– Для ритуала уже все было готово. Вы видели тот загон? Хорошо. Пленных, скорее всего, собирались продать в рабство, но разбойникам нужна была кровь... Да, вы правильно все поняли. Всем «лишним» в лагере перерезали горло, а кровь их спустили в бочку. Сначала в этой крови выкупался будущий вожак, а потом каждый из членов банды взял кубок и выпил полную чарку. И пили они до тех пор, пока столитровая бочка не опустела. Вернемся в лагерь и найдем лишь мумии, в том числе и мумию Сатии.

Теперь в глазах миледи плескались ужас и отвращение. Я ее понимаю, мне об этом ритуале как-то давно рассказал Добряк. Помню, я ему тогда не сразу поверил. Но тем не менее это была чистая правда. Я испугался, что девушка сейчас заплачет, но вскоре ее смятение сменилось еще большим отвращением и даже гневом.

– Почему ты спас меня? Меня, а не Сатию! Ведь вы были близки!

Помните, я собирался ответить на этот вопрос вам? Когда еще только подобрался к лагерю. Что ж, расскажу леди, а вы слушайте внимательно, второй раз повторять не стану.

– Вы правы, – согласился я. – Вас я не знал, а с ней был близок настолько, насколько могут быть близки незнакомые друг другу люди. И когда я пробрался в лагерь, у меня был выбор – прийти за вами, так как я уже понял, где вы находитесь, либо попытаться отыскать Сатию. Что ж, эта попытка могла стоить мне жизни и была обречена на провал. В вашем

же случае у меня было куда больше шансов выжить. Не буду распинаться насчет спасения вашей жизни, признаться, мне было – да и сейчас – несколько наплевать на вас. И тем не менее я заключил договор, по которому должен доставить вас в Алиат. А договор для людей моей профессии – это даже больше, чем святое. Все, что вам нужно знать, – я собираюсь его выполнить. Если вас интересуют мои моральные устои, то я решил спасти две жизни, включая свою, а не рисковать одной – опять же моей. Так или иначе, Сатия была обречена на смерть. Среди такого количества шатров я бы ее не нашел, а в рабстве столь красивая девушка долго бы не прожила. Замучили бы ее. Так что смерть прошлой ночью стала для нее избавлением...

Договорить я не успел, щеку сильно обожгло – рука у леди хоть и была легкой, но пощечина вышла хлесткой.

– Трус! – выплюнула она и отодвинулась подальше, одновременно сбрасывая мой плащ, будто какую-то грязь. И это оскорбительное «трус» ударило меня резче, чем пощечина. Да и, пожалуй, те порки кнутом в Гайнессском графстве, где я провел целый год, тоже были куда мягче всего одного слова. – Жалкий трус! Можешь и дальше сидеть здесь. Я не верю тебе! Сама спасу ее!

Я не был готов к такому повороту, поэтому девушке удалось добежать до входа в рощу. Но, очнувшись от замешательства, я догнал ее и аккуратно пережал сонную артерию. Подхватив падающее тело, вернулся к костру. Быстро зату-

шив огонь, закутал леди в плащ и, положив на плечо, отправился дальше в лес. Карту также пришлось затоптать. Погони я не опасался. До Дня Харты, праздника, когда сама богиня запрещает разбой, остается не так много, и новый вожак, вероятно, наплюет на беглецов и попытается сорвать куш покрупнее. К тому же нас разделяют три дня пешего перехода и часов семь конного. Нет, погони не будет. Что касается Алиата, то, как скажет любой бывалый путешественник: «Иди на восток – и придешь в Алиат». Я так и поступил: перехватил поудобнее леди, потер все еще горящую щеку и потопал на этот самый восток. По дороге улыбнулся: картина маслом «Шварц и бревно». Разве что леди на плече не совсем бревно. Хотя кто ее знает, но это уже что-то совсем пошлые шуточки пошли...

Личный ад Тима, день первый

Я уныло массировал покусанное левое плечо. Да-да, вы все правильно расслышали – именно покусанное. Накануне идея тащить леди через лес на плече казалась мне разве что не идеальной. Но эта стерва (Лизбет Норман по сравнению с ней – образец достойного женского поведения), очнувшись, не согласилась с моими методами решения конфликтов. Мало того что испинала мне весь живот, исколотила спину, извизжала уши, так еще и умудрилась как-то изогнуться и уку-сить плечо. Тут даже моя истинно джентльменская натура не

выдержала. Нет, я не скинул ношу на землю, хотя желание определено было. Аккуратно поставив строптивую леди на землю, я увернулся от нескольких пощечин и дождался, пока та выпустит пар. Наконец смуглянка успокоилась и, презрительно фыркнув, пошла вперед. Благо шла она аккуратно в нужном направлении. Что ж, может, это и есть женская интуиция?

Минут через пятнадцать такой ходьбы девушка вскрикнула и чуть не упала. Не знаю зачем, но я успел подхватить ее на руки. За что тут же чуть не огреб по другой щеке – видно, леди не лишена чувства симметрии, – но умело увернулся. Не обращая внимания на такие мелочи, я хлопнул себя по лбу – принцесса ведь без сапожек! Вон ноги уже кровью пошли. Стянув с себя обувь, я протянул ей. Не по ноге, конечно, но хоть как-то поможет. Когда та с благодарностью приняла ботфорты, я был готов принести любые дары любым богам за то, что они не лишили ее благоразумия. Но увы, рядом находилась глубокая расщелина, куда эти сапоги и полетели. Смуглянка, в очередной раз презрительно фыркнув и окинув меня взглядом, полным превосходства и злорадства, зашагала дальше. Было бы приятно сказать, что я просто пожал плечами и побрел следом. К сожалению, у меня нервы не из стали. Поэтому я уронил челюсть на землю, выпучил глаза и разразился самыми грязными ругательствами, которые мне только известны. Правда, делал это весьма тихо, чтобы леди не услышала. Принципы джентльмена – это принципы

джентльмена.

И лишь после этой пламенной речи я пожал плечами и прибавил шаг. Мне-то что? Есть сапоги, нет сапог – без разницы. Да если исключить прошлый год, проще перечислить дни, когда у меня на ногах были эти самые сапоги, чем когда их не было. Ступни уже давно огрубели, и мне что щепень, что лесной ковер – все одно, легкое покалывание, да и только. Да и по лесу я ходить умел, а вот девушка не умела. И каждые двадцать минут падала. Вернее, как «падала» – пыталась это сделать, но я вовремя подхватывал ее на руки, за что тут же чуть не получал по лицу. Увернуться-то труда не составляло. Занудно, конечно, но приходилось терпеть. Да и про святость договора я не шутил. Раз уж подписался, будь добр довести подопечную до Алиата. (Момент слабости при штурме лагеря разбойников не идет в общий зачет!)

Первый привал случился, когда леди подвернула ногу. Громко всхлипнув, она уселась на траву и подтянула свои израненные ступни. Но слезу не пустила. Если честно, у меня при виде этой сжавшейся девушки, похожей на обиженного, выброшенного из дому котенка, сердце кровью обливалось. Так что я сделал то, что сделал бы любой мужчина на моем месте. Снял с себя рубашку, отсек рукава и нарезал несколько полосок ткани.

Когда же своеобразные бинты были готовы, я побродил по округе и нашел нужные травы. Заодно подобрал и коренья с ягодами – будет нам обед. Вернувшись к месту посадки, я

тут же потянулся ладонью к лицу. Спутница решила, что ей пора в путь, и попыталась встать. По понятным причинам у нее ничего не получилось. Когда же я подхватил ее, то снова огреб по плечу. Нет, я человек великого терпения, но если так будет продолжаться, я донесу ее до Алита в бессознательном состоянии.

Усадив смуглянку на траву, я положил на тряпки нужные травы и потянулся к ее ногам. Она сидела слишком спокойно. Я заподозрил неладное и оказался прав. Стоило мне приблизиться, как ее пятка чуть не разбила мне нос.

– Сидите спокойно! – рявкнул я, вкладывая в голос все напряжение и раздражение, скопившиеся за день.

Не знаю, какой громкости был крик, но с соседних деревьев слетели испуганные птицы. Девушку не проняло, она продолжила шипеть и брыкаться.

– Клянусь всеми богами, – прорычал я ей в лицо, предварительно схватив за лодыжки, – еще одно движение, и я вновь вас вырублю.

– Трус, – процедила она. – Только и горазд, что на женщин руку поднимать.

Я проигнорировал эти грязные инсинуации и все же забинтовал пострадавшие ноги.

– Даже не пытайтесь встать, – предупредил я, предварительно грозно сверкнув глазами... Надеюсь, что грозно... Ну не получается у меня быть злым и страшным! Вот у моего старого друга Тиста, с которым вместе служили, – это запро-

сто, ему даже рожи корчить не нужно.

Но девушка вроде успокоилась, хоть и продолжала свои тщетные попытки испепелить меня взглядом. Закончив с лечением, я подошел к дереву и двумя выверенными движениями отсек пару толстых веток. Мысленно извинившись перед саблями за такое неподобающее воину обращение с оружием, достал последний уцелевший кинжал и стал вырезать из дерева миски. Благо опыт уже был и это много времени не заняло. Разделив коренья, ягоды и листья на две порции, я рукоятью кинжала размял их до состояния каши. Первую миску с фиолетово-оранжево-зеленой кашецей я протянул миледи. Та уже было потянулась к посуде, как меня озарила шальная догадка. Быстро убрав миску, я процедил:

– Только попробуйте что-нибудь сделать с едой, кроме как съесть ее. Будьте уверены, если это произойдет, пищу вы впредь будете добывать себе сами!

Девушка окинула меня надменным взглядом, но еду приняла. Получив в руки миску, она с отвращением взглянула на кашу, а потом удивленно спросила:

– А чем мне это есть?

– Руками, – хмыкнул я и в доказательство своих слов начал трапезу.

Девушка скривилась от отвращения:

– Варвар!

Как она мне надоела! Нет, я решительно не могу это молча терпеть.

– Фифа, – ответил я и с удовлетворением наблюдал за тем, как леди чуть ли не задыхается от возмущения.

– Трус!

– Курица ощипанная.

– Смерд!

– Дура.

Так продолжалось еще минуты две, пока я не решил, что пора заканчивать. Оставив последнее слово за леди, я погрузился в чтение дневника. Перспектива не спать меня очень сильно пугала. Я уже думал над тем, чтобы спать по-волчьи. Но вся фишка в том, что леди в качестве опасности я не воспринимаю. Следовательно, затей та какую-нибудь пакость, не проснусь. Нет, убить она меня не убьет, а вот попытаться сбежать может. Ищи ее потом по всему лесу. Так что попробую придумать охранную печать, которую смогу поддерживать хотя бы часа четыре. Для полноценного отдыха мало, но и этого хватит. Что ж, пришло время чертить.

Личный ад Тима, день второй

Ночь прошла спокойно. Девушка мирно спала, закутавшись в мой плащ. Очевидно, она решила, что на какое-то время может забыть о глупой гордости и принять от меня эту одежду. Я же всю ночь бился над печатью. Без нужной литературы и инструментов это была гиблая затея, и если часть содержимого книг я помнил чуть ли не до запятой, то вот

инструменты... Так что всю ночь я провел за работой. В итоге мне удалось сделать из палочки, полоски нитки и стрелки что-то наподобие циркуля. И это за шесть часов усилий! Жуть. С рассветом я поднял девушку. За ночь ее ноги зажили, и я снял повязки. К несчастью, я вновь забылся и, как только коснулся ее кожи, тут же с трудом увернулся от пощечины.

Смотав ткань и выкинув травы, я подал леди деревянную миску. В нее я собрал росу и никак не рассчитывал, что девушка выпьет эту влагу целиком. Возвращаться к реке я опасался, поэтому придется мне до следующего утра обходиться без воды (жидкость во фляге я берег как зеницу ока). Но ничего, наученный горьким опытом, в следующий раз я обязательно разделю на две порции. И снова сладковато-горьковатая каша, и снова в путь.

Предварительно я начертил на земле карту и указал девушке, где мы и в каком направлении надо идти. Та было начала спорить, но я просто встал, стер ногой карту и указал в сторону чащи. Выслушав очередную порцию брани, поплелся следом за Принцесской. Так я решил ее называть. Если честно, она меня жутко выводила из себя. Надменная, наивная, неоправданно смелая (читай глупая), еще и дерется. Таковую только замуж за врага выдавать.

И опять мы шли, и опять она падала, и опять я ее подхватывал и вертелся от резких пощечин. Примерно к пяти вечера, когда были сделаны уже два привала и две травяные при-

мочки, я решил с ней заговорить. Мы как раз форсировали достаточно свободный участок леса. Деревья стояли на расстоянии друг от друга, виднелись кусты с ягодами, которые я потихоньку ощипывал, да и густая трава надежно укрывала корни и камешки.

– Вы неправильно ходите по лесу, – сказал я ей в спину, закидывая в рот очередную сочную ягодку. – Идете, как по проспекту, а здесь вам не мощеные улочки.

Девушка никак не реагировала на слова, даже не обзывалась, но я знал, что она меня слышала.

– Если будете идти правильно – будете меньше падать. Будете меньше падать – быстрее дойдем, да и ваши ножки не так сильно пострадают. А то, быть может, доведете их до такого состояния, что ни один лекарь не справится. А там, глядишь, и замуж не возьмут с такими-то ступнями, где шрам на шраме.

Тут леди обернулась, грозно на меня посмотрела и ускорила шаг, отчего чуть не шлепнулась. Вздохнув, я догнал ее и аккуратно схватил за правую руку, левую остановил около лица.

– Послушайте...

– И не собираюсь, – фыркнула она и попыталась вырвать запястья.

– Да послушайте же! – рявкнул я. Вроде успокоилась. – Смотрите внимательно. Расставляйте ноги чуть шире. Правую не прямо, а прямо и чуть правее, когда идете, переносите

сите вес на нее. Потом левую прямо – и левее, и вес на нее. И так далее. Войдете в ритм, падать будете меньше, как и запинаться.

Такую простую науку знает каждый деревенский, а ей объяснить надо. Когда с ликбезом было покончено, я отпустил ее руки и указал в нужную сторону. Чтобы до ее скудного разума дошел смысл сей хитрости, леди понадобилось еще пару раз оступиться. Но дальше мы пошли намного легче. Ну хоть какое-то достоинство – учится быстро.

Сделав еще два привала, к вечеру мы проделали внушающий уважение путь. Я видел, что каждый шаг причинял спутнице нестерпимую боль, но даже сама мысль о том, чтобы предложить Принцесске пролежать часть дороги у меня на руках, вызывала немалый ужас. Такого крика мои уши попросту не переживут. Поэтому, когда солнце скрылось на западе, а на небо неохотно выплыли звезды, я снова замотал ей ноги. Собрал коренья, ягоды, листья и сделал кашу. Пока девушка ела, наколдовал костерок. Резерв уже почти полностью восстановился, и я практически не заметил усилия, которое понадобилось, чтобы сухие веточки занялись веселым пламенем. Открыв дневник, приготовился к очередной бессонной ночи: печать никак не давалась.

Девушка доела, закуталась в плащ и повернулась к лесу передом, а ко мне – не самой кошерной частью тела. Тихо трещало пламя костра, пели сверчки и цикады, ухали совы где-то вдалеке, а я, несмотря на то что был накачан травя-

ным энергетиком, вовсю боролся со сном. В этом мне немало помогали дневник и новая задачка.

Необходимые символы я уже набросал, осталось только найти верные круги и выверить нужное расположение всех составляющих, что и есть самая сложная и самая трудоемкая часть работы. И когда вычисления заняли уже три листа, я расслышал мерные всхлипы. Девушка не выдержала и заплакала. Не знаю почему, но в этот момент я ощутил себя если не скотиной, то существом, близким к этому. Может быть, я такой слабовольный, но слезы, чьи бы они ни были, всегда выводят меня из равновесия. Я знал, что подходить к ней сейчас – большая ошибка, но не подойти – еще большая.

– Эй, – потрепал я леди по плечу.

Я хотел сказать что-то успокаивающее. Если честно, я не знал, что именно сказать, но Принцесска и вовсе не дала мне шанса проявить скудную фантазию.

– Оставь меня, смерд! – крикнула она.

Отшатнувшись, я пробурчал себе под нос:

– Курица.

– Неотесанная деревенщина!

И понеслось... Меняхватило на минуту, а потом, привычно оставив за леди последнее слово, я принялся за расчеты. До рассвета еще далеко.

Личный ад Тима, день четвертый

Я уныло плелся следом за спутницей. По моим приблизительным подсчетам, до деревни оставалось еще дней десять пешего пути. Становилось все хуже. Эффект трав закончился еще вчера, и ночью меня корежило от побочных эффектов. Голова раскалывалась, живот скручивало дугой, но я терпел и лишь крепче сжимал зубы. Нельзя показывать слабость перед этой Принцесской. И не из-за того, что та завалит меня очередным потоком брани и оскорблений, а просто потому, что ей и так страшно, куда уж еще добавлять.

Утром все было как обычно. Мы перекинулись очередными «комплиментами», потом я убрал примочки с ее ступней, накормил нас кашей и напоил росой, после чего двинулись дальше. От каши уже тошнило, но я не мог пойти на охоту. Даже с моими умениями это заняло бы не меньше трех часов. Я боялся оставлять смуглянку одну на этот срок. В лесу может всякое случиться, да и она без царя в голове, а ну как сбежать попробует. Нет, так рисковать не стоило. А ночью меня ждало очередное испытание. Морфей, разозлившись на неверного, решил утроить силы и напал со всей решимостью. Чтобы не поддаться его провокациям, я воткнул стрелку себе в ладонь. Когда засыпал, то рука опускалась на стрелку и давила, причиняя немалую боль. Понятное дело, в такой ситуации не до расчета печати. Так в пути, под аккомпанемент боли в руке и бесконечных переругиваний, прошел еще один день.

Иногда я жалею, что не дал Санте, этому сильнейшему магу столетия, себя пришибить. Возможно, тогда я был бы избавлен от общества этой... этой... нет, о женщинах так не говорят.

– А ты уверен, что она – женщина? – спросил меня трухлявый пенёк в траве.

Я взглянул на шедшую впереди леди. На какой-то миг она почудилась мне Буратино в изорванном платье и темном плаще.

– А кто ее знает, – ответил я дереву, стоявшему рядом.

– Ты мог бы проверить, – развело оно ветвями и усмехнулось дуплом.

Я еще раз посмотрел на девушку, и та превратилась в овцу.

– Не-не, – протянул я, обращаясь к дятлу. – Это не ко мне.

Дятел продолжал мерно стучать по дереву. Стоп, дятел? Мясо! Я тут же схватился за кинжал, но потом понял, что это может быть очередным глюком. Ах да, у меня вторая стадия недосыпа. Повышенная раздражительность, головные боли и галлюцинации. Не знаю, почему у меня они такие сильные, видимо, в ягодах, что я съел накануне, было что-то не то.

– Ау-у-у! – слышался вой вдалеке. Ну вот, теперь еще и чисто слуховые.

Галлюцинации ушли, за ними пришла паранойя. Теперь я уже серьезно опасался любой тени, звука, даже шороха. Мне чудилось, что ветка – это змея, готовая к прыжку. Куст прикидывался медведицей, стоявшей на страже потомства. В корягах таились замаскированные крокодилы, а девушка, идущая впереди, выглядела разве что не самой Хартой. Я начал сдавать. Ноги казались мне тяжелее Харпудова Гребня. Руки были налиты свинцом. Взгляд блуждал, как у пьяного, мысли путались, и я норовил упасть при каждом неверном шаге. Вся левая рука была истыкана и походила на конечность малолетки, болеющего ветрянкой. Я сдавал...

– А-а-ау-у-у! – послышалось совсем близко.

Видимо, галлюцинации не ушли.

– Что это? – вздрогнула девушка.

– Волки, – пожал я плечами. – Поют охотничью песню.

Я продолжил медленно переставлять ноги, но вскоре натолкнулся на спутницу. В ее глазах плескался ужас, и тогда...

– Вы тоже их слышите? – осенило меня.

– Да.

– Как давно?

– Второй день.

Плохо, очень плохо. Теперь я не мог разобрать, где реальность, а где вымысел. Ведь сам я услышал их намного раньше, но почему они не напали еще тогда? Ведь наш отряд –

всего лишь уставшая девушка и полусумасшедший мужик. Мы, по соображениям волков, слабые особи, они чувствуют нашу немощь, для них мы – добыча. Волки не стали бы ждать три дня, они бы напали на следующий, максимум подождали ночь. Ночь... О да. Как же, темные боги меня задери, мне дорога эта леди с ее заморочками!

Я вскинул голову. Солнце заходило, небо уже стало кроваво-красным, а на востоке виднелись первые звезды.

– Залезайте на дерево. – Я кивнул на ближайший ствол, где внизу было достаточно веток.

– Что?! Да как ты смеешь мне приказывать! Жалкий...

– Леди, – устало проговорил я, – если вы хотите быть загрызенной, причем отнюдь не мной, то смело оставайтесь внизу. Если жизнь вам дорога, делайте, что говорят.

Не знаю, что Принцесска нашла у меня на лице, когда так пристально его рассматривала, но уже минут через пять сидела на верхнем ярусе. Я прислонился спиной к еще теплой коре. Сняв куртку, сложил ее и закинул на один сук, на другой полетела выдавшая виды рубашка. В бою с волками они мне не помощники, а в лесу без одежды человеку не с руки. Я же не Маугли и не Тарзан. Либо мошкара закусает, ветки изобьют, на жаре пузырями пойду, либо еще беда какая. Нет, без одежды никак. Обнажив сабли, я вытащил из кармана позеленевшие полоски ткани, которыми бинтовал ноги смуглянки, и старательно примотал рукояти оружия к ладоням. Оставалось только ждать.

– А-а-ау-у-у! – послышалось ближе.

Ага, они уже близко. Во всяком случае, чувствуют наш страх. Поют загонную песню, думают, что мы будем бежать. Ну да, волки не очень-то умны. Намного глупее, чем про них думают люди.

– Почему ты не лезешь вверх? – послышалось сверху.

– Смысл? – И повторил заученную фразу: – Охотничьи угодья волков распространяются на территорию диаметром семьдесят пять километров. Центром окружности является их логово. Учитывая нашу скорость, время и момент, когда в первый раз была услышана охотничья песня, мы сейчас примерно в сорока километрах от границы угодий. Учитывая нашу скорость, – тут я зевнул, – нам потребуется дней десять, чтобы покинуть их. Думаю, мои расчеты, – снова зевок, – наглядно демонстрируют, что нас догонят в любом случае. Лучший вариант – драться сейчас.

– Ау-у-у! – Песня атаки будто подтвердила мои слова.

Собирая в кулак оставшиеся волю и силы, я разогнал свое сердце. Пришло время битвы, и даже паскудный Морфей увел свои войска в тыл и решил дать мне шанс. Наконец в ночи я увидел желтые и красные глаза. Волки прятались в кустах и разглядывали меня. Кем же я им казался? Может быть, они видели настоящего меня, а не эту не получившуюся фигурку богов? Впрочем, меня это не волновало. Вскоре первые из них вышли на свет. Я сильнее сжал клинки. Дыхание участилось, шум бившегося сердца на мгновение

оглушил меня. Вожак пустил в разведку двух самых слабых волков.

Они не больше собак, их клыки желты от трупной гнили, им даже не позволяют питаться свежей добычей. Тем не менее, они бесстрашно рычали, скаля достойное оружие, в глазах ни грамма страха, только бешеный хищный свет. Как бы я хотел сказать то же самое о себе, но ужас липкой жижей облепил мои лицо и тело. Крупные градины пота, скатившись по спине, упали на траву. Это послужило сигналом к атаке. Серая и черная молнии сорвались со своих мест. Первому нападавшему в его раскрытую пасть, готовую к укусу, я вонзил клинок. Пронзив тушу, погрузил оружие по самую гарду. Второй решил атаковать не мое горло, а ноги, ему я просто срубил голову.

– А-а-ау-у-у! – Вожак признал меня, сейчас начнется настоящая битва.

На поляну вышли остальные охотники. Крупные самцы, намного больше немецких овчарок, а мой страх делал их еще крупнее. И среди них – огромный серый вожак. Альфа-самец, предводитель охотников. Скинув с клинка убитую тушу, я наблюдал за тем, как волки запугивали меня, рыча и скалясь. Глупцы! Если бы не человеческая воля, я бы уже давно поседел от страха. Но вместе со страхом появилось какое-то новое ощущение. Такого я еще не испытывал. Это было какое-то разжигающее, сладостное чувство. Оно походило на предвкушение или, скорее, на покерный азарт. Не

знаю... Оно казалось новым, а у меня не было времени для скрупулезного анализа.

Еще три молнии рванули ко мне. Один, с белым пятном на морде, разделил участь серого предшественника. С неотвратимостью выпущенного арбалетного болта он бросился, намереваясь вцепиться мне в глотку. Ему я рассек пасть. Когда тот падал, легкий серебряный росчерк, пришедшийся волку на шею, заставил в воздухе сиять алым красную каплю. Второй бросился мне на грудь. Его я нанизал на старшую саблю, как свежее мясо на шампур. Но третьему я сделать ничего не смог, и он вцепился мне в ногу. Зашипев от боли, я пробил саблей черепушку волчары. Столкнув непострадавшей ногой со старшей сабли агонизирующую тушу, я приготовился.

Прежде спокойный альфа зарычал. Он в гневе. Я смог убить пятерых его охотников. Нет, меня не будут жрать. Если сомкнутся челюсти на глотке, меня будут рвать на части, пока на полянке не останется лишь кровавое пятно. Я крепче вжался в дерево. Если то была охота, то сейчас будет битва. И волки не заставили себя ждать. Рыча, они всем скопом ринулись в атаку. Вожак ходил по кругу, наблюдая за схваткой. Возможно, будь я в другом состоянии, смог бы колдануть чего-нибудь. Но сейчас, когда я даже поток энергии контролировать не в состоянии, это просто самоубийственный шаг. Но не время склонять «бы», драка в самом разгаре.

Я резал и бил. Вот отсек кому-то лапу, чтобы обратным

движением рассечь морду. Вот другой вцепился мне в руку, его я истыкал саблей, как иголка швейной машинки стро-чит материю. Третий когтями изодрал пострадавшую но-гу, его пылающий правый глаз остудила моя сталь. Каждый взмах руки убивал одного из волков. А каждый из их бросков оставлял на мне кровоточащие раны. Боль застилала взор, страх набирал силу. И был момент, когда он уже почти одо-лел меня, но неведомое доселе чувство скомкало его, будто испорченный лист бумаги. И это самое чувство, дикая смесь азарта, горячки боя и наслаждения битвой, подступило бли-же и также вступило в схватку с волками.

Черный хищник нацелился в глотку, но встретил лишь скрещенные клинки. Тело его упало, голова покати-лась дальше. На поляне покоилось девять волчьих трупов. На мне же не было места, откуда не текла кровь. Вновь зарычал во-жак. Оглядевшись, я понял – мы остались один на один. Тот медленно кружил предо мной, выбирая момент для атаки. Я все так же стоял, прислонившись спиной к дереву. Сабли ка-зались многотонными, а ноги, даже пожелай я, никогда бы не сошли с этого места. Они уже давно пустили корни и прочно вросли в землю. Наконец он прыгнул. Стремителен и быстр был тот бросок. Глаза противника сверкали золотым огнем, клыки были размером с ладонь. Все его мощное хищное те-ло олицетворяло собой силу и стремление убивать.

Серая молния расчертила пространство. Он не думал, не сомневался, не искал свой путь, он просто дрался и в дра-

ке находил наивысшее удовольствие. Но как бы он ни был быстр, я был быстрее. Как бы он ни был смел, я – смелее. Как бы он ни был безумен, но я – безумнее любого юродивого. И как бы ни были длинны, остры и опасны его клыки, сколько бы жертв они ни подрали, мои клыки-сабли длиннее, острее, опаснее и много больше жертв отправили в мешок темного жнеца.

Мы упали. Ноги подвели меня, и я не выдержал натиска. Какое-то время мертвое тело билось. Жажда жизни вожака была велика, и он отказывался отправляться на поля вечной охоты. Но с двумя саблями в теле долго не живут. Вскоре его лапы замерли, пасть издала последний рык, а сердце остановилось. В ту ночь я засыпал под теплым меховым одеялом, уходя в страну снов с чувством радости и покоя.

Лиамия Насалим Гуфар

Лиамия спустилась с дерева и с недоверием взглянула на поляну. С высоты она могла видеть лишь вспышки клинков, отражающих лунный свет, и слышать рычание зверей. И все же ей, сидевшей на ветке, было страшно как никогда, и сейчас она в растерянности оглядывалась, ожидая, что этот смерд и хам выпрыгнет откуда-нибудь и в своей обычной манере начнет грубить. Но время шло, а мужчина так и не появлялся. Тогда девушка, не понимая зачем, решила сама найти его. Она некоторое время бродила вокруг, пока не замерла

от ужаса. Коленки ее задрожали. Телохранитель лежал под огромным, ненормально большим серым волком. Страх одиночества и осознание того факта, что в одиночку шансов на выживание почти нет, заставили девушку приблизиться. С трудом она оттолкнула тушу волка и прислонила ухо к груди мужчины.

Тук-тук, тук-тук – доносилось до ее слуха.

Лиамия поразились тому, как спокойно стучит его сердце. Будто и не было страшной битвы, а спутник просто прилег отдохнуть. И в этот момент луна выглянула из-за тучи и бросила свет своих лучей на тело мужчины. Лиамия охнула. Даже в лечебнице сестры, где она частенько бывала, девушка не видела кого-то, кто был бы столь изранен. Вскоре девушка успокоилась.

– Долги всегда надо возвращать, – пробурчала она и сняла платье.

Низ его изрезан и уже не пригодится. Так что девушка сняла сорочку и отрезала подол. Вернув ополовиненное платье на место, тут же взялась за нож. Вскоре на поляну легли ровные полоски. Не то что те, нарезанные этим невежей.

Лиамия смутно знала травы, растущие в этих местах, но все же смогла найти нужные. Из стрелки, которую она свистнула у телохранителя дня два назад, смастерила врачебную иглолку. А одну из полосок пустила на нитки. Что ж, пора браться за дело.

Проснулся я от саднящей боли. Резко открыв глаза, попытался тут же встать, поскольку, как выяснилось, полусидел, откинувшись на дерево.

– Не шевелись! – прикрикнул на меня знакомый голос, и кто-то с силой нажал мне на грудь. Я вернулся в прежнее положение. – И не шипи – не девчонка.

Когда изображение приняло резкость, я смог четко взглянуть реальности в лицо. Находился я на все той же поляне, только вот тела волков были почему-то свалены в кучу, да еще кто-то надо мной нависал. Благо сон пошел мне на пользу, и мыслительный процесс наладился. Смуглянка, прикусив язычок, что-то творила с моим плечом.

– Что вы делаете? – спросил я.

– Штопаю, – буднично сообщила она.

Да, действительно штопала. Зашивала особо глубокий укус. Я оглядел свое тело. Из одежды на мне остались... ну так в этом мире выглядят трусы, но они больше похожи на шорты. Всего остального я был лишен. Хотя то тут, то там виднелись белые – и не совсем – полоски ткани, заменившие, судя по всему, бинты. И тут меня осенило (говорю же, сон пошел на пользу). Принцесска умела врачевать! А я все это время возился с ней, как... как... не знаю с кем! Еще никогда и ни с кем я так не возился, как с ней! Нет, все, баста. Мечь и только мечь.

– И кто же меня раздел? – ехидно спросил я.

– Я, – пожала плечами девушка и кивнула на шортики. – Не бойся, там ничего не пострадало. Я проверила.

Лицо обдало жаром, но я вовремя взял себя под контроль и взмолился, чтобы леди не заметила секундного смущения.

– Что, приятно было, когда я вас лапал, а вы мне пощечины отвешивали? – Я решил зайти с другой стороны. – Раз уж могли себя сами подлатать, то к чему был этот ежеутренний ритуал с повязками?

– Я не знала нужных трав, а ты не догадался мне их показать. Только недавно заметила, какие ты собираешь, – все тем же тоном произнесла девушка.

Я не собирался так просто сдаваться и уже собирался зайти с третьей стороны, как вдруг девушка, сделав очередной стежок, окунула пальцы в миску, где была какая-то жижица, и провела ими по плечу.

– Ауч! – вскрикнул я не столько от боли, сколько от неожиданности.

Девушка вздохнула.

– Сиди спокойно! И не шипи, сказала же – не девчонка.

– Да я и сам могу подлатать себя, – недовольно буркнул я.

– Ага, – кивнула леди и посмотрела на широкий, уродливый шрам на боку – наследие Мальгрома. – Я уже заметила.

– Это был неудачный случай, – тут же парировал я.

– А другие, значит, были удачными? – с прищуром спросила девушка. – Что ж, поражена твоей безрукостью.

Я чуть не задохнулся от возмущения, но девушка снова не дала мне слова.

– Все, готово! – радостно крикнула она и быстренько забинтовала плечо. Я поразился тому, с какой скоростью и точностью это было сделано. – Теперь как новенький.

Я оглядел этого «новенького» и понял, что времена бывали и получше, но и похуже – тоже. Снова попытался встать, но ноги подвели, и я рухнул на землю. Девушка вздохнула и подала мне руку. Моему возмущению не было предела.

– Не нужна мне ваша помощь!

Девушка тут же замерла, а потом засмеялась. Сначала я не понял причину такой реакции, а потом и сам улыбнулся. Как говорится – в чужом глазу соринку, а в своем... Как же часто мы ругаем людей за то, что частенько делаем сами? А вообще, надо отдать должное, врачевать леди умела.

– Спасибо, – сказал я.

Леди прекратила смеяться и, кажется, покраснела.

– И тебе, – прошептала она.

– Мм? – Ну хоть какой-то укол. О да, я злопамятный.

– Спасибо тебе, – чуть громче произнесла она.

– Ох, прошу прощения, миледи, после вчерашнего у меня проблемы со слухом.

– Говорю – спасибо, что дважды спас мне жизнь! – крикнула она.

Я наслаждался ее обиженно-виноватым видом и тут же добил:

– О, да не стоит, это моя работа.

На леди как ведро воды вылили. Она опасно прищурилась. Натурально кошка.

– Издеваешься, да?

Я кивнул. И тут она взяла и пнула меня по больной ноге.

– Эй! – крикнул я. – Раненых бить нельзя!

– Ты вредный, тебя можно.

Я прикрыл глаза. Желания спорить не было, да и не переспоришь эту пресловутую женскую логику. Кто-то присел рядом.

– Лиамия Гуфар, – произнесла она.

– Мм?

– Что, действительно со слухом плохо?

Я пожал плечами. Солнце приятно грело, а ветерок остужал израненное тело. Жизнь – прекрасная штука, а особенно она прекрасна, когда ты живой.

– Меня зовут Лиамия Гуфар.

– Тим Ройс, – представился я. – Приятно познакомиться.

Наверное, Лиамия кивнула, вот только я этого не видел.

– Давай на «ты»? – полупопросила она.

– Давай, – легко согласился я.

– Хочу спать, – после минутной паузы сказала Лиамия.

– Я тоже.

– Ты же часов десять спал!

– Все равно хочу.

– Тогда давай спать.

– Давай, – вновь согласился я.

Что-то тяжелое опустилось мне на левое, непострадавшее плечо. И я, недолго думая, положил свою голову на ее.

– Тебе не говорили, что ты ужасно наглый деревенщина? – сонно проговорила девушка.

– Ага, – в тон ей ответил я. – Говорили.

– Дурак, – в привычной манере обозвала она меня.

– Фифа, – ответил я.

– Все равно дурак.

Как обычно, мне первому надоело спорить, поэтому, оставив за собеседницей последнее слово, я отправился к заждавшемуся Морфею. И тот, что удивительно, не мучил меня образами волков, наглых и глупых девушек или еще какой ерундой. Он вообще меня не мучил – он подарил сон без сновидений, где единственной спутницей была чернота.

Глава 3. Баронства

Нельзя сказать, что после той злополучной ночи наши отношения резко наладились и дела пошли в гору. Все было не так. Вечером, после того как я проспал в общей сложности шестнадцать часов, мне пришлось в срочном порядке дорабатывать печать. На словах это просто. Оставалось-то дорешать уравнения, определить местоположение слов – и все, вперед. Но нет. Дорешать-то я дорешал, даже вычислил местоположения знаков, но вот с рисунками все обстояло сложнее.

Для начала у меня под боком сидела бесконечно ворчащая девушка. Видимо, после того как наше общение хоть как-то сгладилось, она решила, что пора открыть шлюзы красноречия и затопить меня патокой своих речей. И как вы понимаете, кроме того, как давить мне на нервы, у нее мало что получалось. Девушка то просила что-нибудь рассказать, то ей было скучно, и она просто хотела поболтать, но чаще она жаловалась на то, что рядом нет служанок, чтобы омыть ее уставшие ноги, что нет портных, дабы пошили платье, нет поваров, чтобы приготовить хоть что-нибудь, кроме рвотной каши из корней, что как же ей хочется выпить сока из стаягодника (что-то вроде винограда) вместо росы с привкусом травы. И ладно бы она чередовала свои речи с... ну не знаю – с пятичасовым молчанием в эфире, так нет. Тишиной я мог

довольствоваться лишь в исключительное время, то бишь ночью, когда избалованная леди, притомившись от дел ратных, заворачивалась в мой плащ и засыпала у костра.

Ах да, как же я мог забыть! Она еще сетовала на то, что «костер дурно пахнет, я им вся провоняла, сделай что-нибудь с этим». И что я мог? Найти вторую волчью стаю, оглушить барышню и самому взобраться на дерево? Каюсь, над этим планом я думал, пока мы форсировали овраг. Этой девице понадобилось полчаса, чтобы, цепляясь всеми конечностями за ветки, перебраться по бревну через овраг, на дне которого притаилась всего одна змейка. Если честно, я не знаю, чем провинился перед богами, что они решили так наказать меня. Уж лучше бы просто прибили чужими руками.

Но вернемся к нашей печати. Сейчас, когда Лиамия (что за имя такое?) ровно задышала и до ушей доносились лишь трели ночных птиц да стрекот цикад, я наконец смог взяться за дело. Из сумки достал немного помятое гусиное перо и слегка потрескавшуюся чернильницу. Осмотрев вещичку, сорвал что-то вроде лопуха и плотно обмотал листом баночки с черной смесью. Поставив подлатанный инструмент на землю, открыл крышечку. О светлые боги, этот чуть пряно-горьковатый запах чернил отрезвлял и бодрил не хуже передержанного рассола при похмелье!

Осторожно обмакнув в баночку самодельный циркуль, я принялся чертить на чистой закладке – благо у меня был их запас – свою печать. Сначала нарисовал несущий круг, стан-

дартный каркас статичной печати. Потом вписал несколько других кружков по окружности, они будут отвечать за свойства и изменения. Ну а следом, достав прямой нож и используя его вместо линейки, принялся чертить. Треугольники сменялись квадратами, следом появлялись трапеции, ромбы и прочие многоугольные фигуры. Прикусив губу от усердия, я старательно выводил каждую черточку, а в миг неуверенности убирал перо, дабы немного его почистить. Любая клякса, любая неточность могли привести к серьезным последствиям, а у меня и так инструментарий пещерного человека, не хотелось лишний раз рисковать.

Через полтора часа кропотливого труда все линии замкнулись и можно было приступать к заполнению печати. Всего я использовал сорок шесть слов на восьми разных языках. Комбинируя их во всевозможных последовательностях, пытался не оставить никакой двусмысленности, дабы печать вышла четко сконструированной, без всяких лазеек, которыми может воспользоваться вражеский маг. Хотя что-то подсказывает: в этой глухомани не то что мага, а деревенского ведуна не встретишь. Но мало ли когда мне пригодится эта конструкция. А если и нет, то при случае продам ее караванщикам. Печать-то любой чародей запитать может, вот их маги и воспользуются. Деньга малая, не больше четверти медяка за одну закладку-трафарет, но на миску с дешевой похлебкой, где воды больше, чем самой похлебки, хватит.

Когда же было закончено и со словами, я с легкой нот-

кой умиления взглянул на дело рук своих. Это не те уродливые деревянные фигурки – здесь настоящее искусство. Достав еще девять пустых закладок, я разложил их на земле в ряд. С левого конца положил недавно изготовленную печать. Закрыв глаза и потянувшись к дару (можно было и не закрывать, но такому слабаку в магии, как я, это проще), я положил руку на трафарет. А потом, когда почувствовал, как энергия откликнулась и потянулась к ладони, провел рукой над всеми листочками. Открыв глаза и ощутив небольшой отток сил, увидел десять одинаковых печатей. Вообще это для меня копирование закладок – не самое тривиальное занятие, а для средних магов – как щелчок пальцами, трафареты могли гонять только так.

Теперь можно и помагичить. Убрав ненужные в данный момент закладки в дневник, вложив их в соответствующий раздел, зажал между указательным и безымянным пальцами правой руки оставшийся листочек. Вскоре он напитался энергией и засветился ровным серебристым светом. Разжав пальцы, метнул листок в костер. Тот, коснувшись оранжевых лепестков весело трещавшего пламени, мгновенно сгорел. И с этого момента изредка, если присмотреться, в костерке можно было заметить редкие серебряные нити. Будто седые пряди в рыжей шевелюре, они появлялись, но лишь затем, чтобы мгновенно исчезнуть.

«Ну вот и все», – подумал я и потянулся.

Отток магических сил был невелик. Я специально сделал

такую печать, чтобы не я ее питал, а энергия пламени. Теперь самое главное – не дать огню потухнуть. Но с этим я справлюсь, пребывая в волчьем сне, когда каждые четверть часа просыпаешься, а вскоре снова засыпаешь могильным сном. Полезное умение, тщательно вкочерыженное мне в голову заботливым Добряком, наставником из далекого прошлого. Вот и сейчас, подкинув пару полешек в костер, я заснул, сидя лицом к чаше, спиной к барышне, которая сейчас, вероятно, видела себя на приеме во дворце Алиата, где все ее желания исполнялись быстрее, чем она успевала их озвучить. Мне же для счастья хватало эфемерных дворцов повелителя снов, где ни один смертный не смел меня беспокоить...

Утром, когда солнце лениво и нехотя касалось верхушек деревьев, пробуждая в их кронах птиц, я, с наслаждением потянувшись, поднялся на ноги. Одновременно со мной поднимался и лес. Легкий, немного суховатый, юго-восточный ветер играл листьями и травой. Их шорох, сплетаясь в бесконечном потоке еле слышных звуков, будто порождал затяжной зевот тысячелетнего леса. Все чаще и все громче кричали перепелки, шуршали кусты – звери спешили на водопой. А по самым тайным тропам шли в свои темные уголки ночные звери. Утомившись на охоте, они собирались провести денек, дремля и отдыхая. И лес, будто чувствуя, что опасность миновала, широко раскинул свои зеленые объятия.

Под лучами солнца россыпью бриллиантов сверкала утренняя роса. Ее я собрал в маленькие кружки, выдолблен-

ные из полена. Наслаждаясь пьянящей свежестью, чуть углубился в чашу, здесь нашел коренья и ягоды. Это не очень-то сложно, если знаешь, где что искать. Вот, например, куст с синими, немного вытянутыми ягодками, похожими на маленькие груши. Их есть нельзя, если, конечно, не горите желанием пару дней мучиться от боли в желудке, зато корни этого куста весьма питательны. Вытянув нож, я наклонился и собирался уже их подрезать, как в стороне раздался еле слышный шорох и более отчетливо – чавкающий звук.

Осторожно, дабы не спугнуть неизвестного, я медленно приподнял голову над кустом. С другой стороны куста так же медленно поднимал голову рыжий... олененок! Его маленькие черные рожки, мощные, вытянутые челюсти, перемалывающие листья, и темные маслянистые глаза... Не знаю, что у меня во взгляде прочитал этот гордый представитель лесной фауны, но уже мгновение спустя он умчался куда-то вглубь. Я же, очнувшись, утер с подбородка слюну...

Не знаю, преодолел ли я звуковой барьер, пока мчался на поляну. Там у почти погасшего костра сидела проснувшаяся Принцесска. На самом деле она вставала почти затемно и в то время, пока я занимался собирательством, занималась утренним туалетом. У девушек с этим сложнее, поэтому не стану заикливаться на данном вопросе.

– Собирайся! – сказал я ей. – Мы идем на охоту!

– На охоту? – переспросила леди.

– О темные боги! – вскрикнул я. – Да, на охоту. И если ты

не будешь медлить, может, чего и поймаем.

– Но... но...

Зарычав, я быстро затоптал костер, завалил его приготовленными заранее ветками и, схватив дворцовую девчонку за руку, потащил в лес. Она упиралась, пыталась вырваться, привычно посыпала мою голову всякими нелестными эпитетами, но стоило упомянуть, что, возможно, на обед или ужин у нас будет мясо, как она тут же успокоилась. Глаза загорелись нездоровым блеском, и вскоре она позволила мне ввести ее в курс дела. Мы как раз стояли в тени раскидистого туба, а ветер поменял свое направление. Если по курсу кто-то есть, то нас не учуют.

– Значит, так, – начал я свою лекцию. – Твоя задача простая. Идешь след в след за мной, склоняешься так низко, чтобы быть ниже первых веток на вот этих деревьях. Крутишь головой на полный оборот и стараешься не задевать ничего, что можно задеть. Стараешься не наступить на все, на что можно наступить.

Девушка сделала глаза по серебренику и возмущенно прошипела:

– И как я должна это сделать?!

– Не мои проблемы, – в тон ей прошипел я. – Но если из-за тебя мы упустим добычу...

– То что? – вдруг усмехнулась она. – Что же ты мне делаешь?

– О-о-о, – довольно противенько улыбнулся я. – Ты

непрерывно об этом узнаешь. Но, надеюсь, твоего здравого смысла хватит на то, чтобы послушаться меня.

Леди еще некоторое время стояла, скрестив руки на груди и размышляя над ситуацией. В конце концов она спросила:

– И чем же ты собираешься охотиться? – Ехидство так и прет.

И правда – чем? Я взлохматил волосы и огляделся.

– Хе! – обрадованно воскликнул я и поднял с земли толстую палку почти метр длиной. Она была кривая и вся в сучьях. – Вот этим.

Лиамия презрительно воззрилась на мое орудие.

– Кажется, на ужин снова трава, – пробубнила она.

Я лишь загадочно улыбнулся и велел следовать за мной. Оставив леди за спиной и положившись на ее благоразумие, согнулся в три погибели. Открыв сумку, достал нужную закладку и обмотал ею палку – так, если что, будет быстрее. А теперь началась охота.

Если серьезно, то человеческая охота мало чем отличается от звериной. Я, подходя к предположительной цели, старался, чтобы ветер дул в лицо, а солнце находилось за левым плечом. Все это даст возможность внезапно атаковать, и именно так поступают животные. Ну оно и понятно. Ведь когда-то, когда люди ходили, обмотавшись в шкуры и не различая оружие и орудие, их учителями были звери. Люди подражали их повадкам и движениям, даже отождествляли себя со своими четвероногими или крылатыми соседями. Конеч-

но, прошло много лет, но суть осталась неизменна.

Я аккуратно затрусил меж кустов. Следы олененка были четкими, как рисунок на белоснежном холсте. Вот в еще сырой, вязкой земле четкий след его копыт. А в полуметре впереди – еще один, чуть более глубокий. Неопытный и незнающий разумный, увидев это, не сделает ровно никаких выводов. Но я же за пять лет в лесу научился читать землю, как послушник в монастыре умеет читать Священное Писание. У леса нет от меня тайн и секретов. Видя эти четыре отпечатка, я уже знал, что олененок пробежал здесь минут пять назад. Он был явно напуган и в бег вкладывал все свои силы, а значит, наверняка направился к своему стаду или к пасующейся неподалеку матери. Что ж, надо идти дальше.

Измерив пальцами глубину последних отпечатков, я поспешил к следующим. Иногда след терялся на слишком сухой земле или на камнях. Тогда я возвращался назад и прикидывал траекторию бега, после чего безошибочно выбирал верное направление. Иногда приходилось подолгу замирать на одном месте и ждать, когда ветер сменит направление. Чаще, лишь раздастся рядом шорох листвы или дятел решит достать назойливого жучка, или просто дерево скрипнет, я вновь замирал, опасаясь издать неровный звук, который для коренных обитателей леса звучит резче и громче, чем для горожан – треск пожарной сирены.

Обогнув громадный валун, я притаился в листве. Я не оборачивался и не искал взглядом свою подопечную. В кон-

це концов, она не разбойница и не олень, ее по следам я вмиг найду, как бы далеко она ни ушла. А вот животное – это достойный соперник в хитрой игре. Олень не примет травы там, где это не нужно, он не надломит ветви, не испугает птицу и не нарушит покой кроличьей норы.

Рогатый, словно ветер, вроде и рядом, а вроде и не поймал. Но умелый охотник так или иначе выгадает шанс для удачного выстрела или броска. Вот и я, наткнувшись на следы, лишь еле заметно вдавленные в землю, поднял левую руку и сжал в кулак. Надеюсь, у леди хватит смекалки распознать этот знак.

Вы когда-нибудь задумывались о том, как же сложно отодвинуть ветку куста? А ведь это не так просто. Одной рукой сжимая орудие, другой вы должны найти такое место на ветке, где сходятся лучи коры. Обхватив это место двумя пальцами, нужно дожидаться особо сильного порыва ветра и сильно надавить. Но если вы промедлите, зверь услышит треск и тут же сорвется с места; если опоздаете – все будет идти по тому же сценарию. Отодвигая ветку куста, я действовал осторожно и внимательно, как нейрохирург на сложнейшей операции. И вот за листвой и терновыми колючками показалась полянка. Там мирно паслись два оленя – крупная мамаша-олениха и маленький негодник. Будь я героем сказки или детского мультфильма, умилился бы этой идиллии и ушел прочь. Увы, я уже полсезона только травой питаюсь, пора бы и подкрепиться.

Перехватив палку, я напита́л печать энергией и метнул копьё. Печать на пару минут превратила обычную палку, которая когда-то была веткой, в смертоносное копьё. Что печально, на такое волшебство я потратил почти все свои силы. Иногда я жалею, что не обладаю хотя бы десятой частью резерва Санты, да переродится он вновь! Копьё же, игнорируя мои метания и размышления, оставляя за собой еле заметный металлический росчерк, вонзилось в шею олененка и пригвоздило его к земле. Олениха к этому моменту уже скрылась в чаще.

Сминая кусты, я подошел к зверю. Из раны текла кровь, густая рыжая шерсть стала похожей на ковер алого закатного неба. В темных глазах ужас смерти перемешивался с желанием жить, добыча била копытами по земле, надрывисто дышала, шумно вдыхая и выталкивая воздух. Но прошла пара секунд, и молодой олень затих, в последний раз дернув всеми конечностями.

Выдернув копьё, уже обратившееся обратно палкой, я наклонился и одним взмахом клинка отрубил зверю голову. Это не так сложно. Тут все как и у человека, главное – меж позвонков ударить, ну и предварительно оружие наточить как следует.

– Ты... ты... ты – маг?! – прозвучал удивленно-испуганный возглас за спиной.

Я обернулся и увидел Принцесску. Она тяжело дышала, по вискам катились крупные градины пота. Вся она была из-

мазана в грязи, а ноги – изрезаны кустами. Ах, ну да. Эти милые суеверия. Я и забыл, что это в Сантосе, где стоит академия, магов – хоть на каждом суку вешай, а вот в большом мире встретить сведущего в тайных искусствах – большая редкость. И мало кто упустит возможность сложить о нас какой-нибудь страшный рассказ. Мол, мы детей ворует, девственниц на завтрак, обед и ужин едим, проклиная всех направо и налево и вообще народ не самый добрый.

– Да нет, – пожал я плечами. – Так, пару фокусов знаю, и все. И на будущее – называй меня волшебником.

– Волшебником?

– Ну да. «Маг» звучит пошло и совсем неинтересно.

Лиамия (язык сломаешь, пока выговоришь) потихоньку успокаивалась, но от выброшенной мною палки отошла на весьма почтительное расстояние.

– А «волшебник» как звучит? – Вот уже и прорезались привычные нотки ехидства.

– А «волшебник» звучит таинственно, сказочно и отдает легкой сумасшедшинкой. – Я подмигнул леди и взвалил тушу на плечи с расчетом на то, что при ходьбе кровь будет стекать с левой стороны и не забрызгает одежду. – Ну, пойдём?

– Куда?

– К ручью, конечно же, – усмехнулся я, видя, как на красивом лице моей спутницы возникает отражение восторга и предвкушения. – Видно, сегодня боги милостивы к нам.

Ручей действительно оказался неподалеку от поляны. Его журчание я услышал еще на подходе к пасущимся животным. Олени, если отбиваются от стада, всегда идут к воде, надеясь встретить там своих сородичей. Вот так, зная некоторые характерные повадки животных и разбираясь в травах, вы никогда не пропадете в лесу. У вас могут быть только охотничий нож, моток веревки да стоптанные сапоги, и все же вы не погибнете. Если, конечно, проявите должное уважение и осмотрительность.

Около широкого – метра два в рукаве – ручья я сбросил тушу и тут же удалился обратно в чащу. В конце концов, я могу и потерпеть, а вот стеснять леди присутствием неотесанной деревенщины не хотелось.

Сбор хвороста – вот самая несложная из лесных наук. Знай себе броди под старыми деревьями да выискивай ветки посуше. Хотя и здесь разумные умудряются допустить целый ворох ошибок. То возьмут слишком толстые ветки, надеясь, что они будут дольше гореть (а фишка в том, что положи такую в костер – и когда она перегорит да надломится, то костер попросту разлетится и хорошо, если никого не опалит). То берут слишком свежие ветви, от которых дыму больше, чем пламени. Такой вот костерок – все равно что сигнальная ракета для всех, кому не чужды заповеди Харты. Или самая большая ошибка: вместо того чтобы отправиться на поиски, ленивый разумный подходит к дереву, у которого ветви пониже, и срубает их начисто. Глупо упоминать об огромном

вреде дереву, так еще и сам костер не займется. Пока из ветвей сок вытечет, пока они подсохнут... в общем, беда еще та. Вы спросите, откуда я знаю обо всех этих ошибках? Ну так и я какое-то время носился по лесу, как по главной городской площади, но Добряк скоренько отучил меня от пагубных привычек и привил понимание. За что ему спасибо.

Собрав целую охапку подсохших веток, не самых толстых, но и не таких, чтобы за четверть часа угорели, я сорвал древесной коры для розжига и травки пожелтее. Перехватив поклажу поудобнее, побрел к ручью. Там, на бережке, уже сидела алиатка. Непонятно откуда достав гребень, девушка расчесывала волосы, и даже со спины было заметно, как она лучится счастьем. Да, немного надо цивилизованному человеку, чтобы почувствовать себя заново родившимся.

Свалив хворост в кучу, я обнажил саблю и воткнул в землю. Солнце уже клонилось к закату: охота заняла немало времени, а темнеет здесь быстро. Ночь вступит в свои права уже через пару-тройку часов, и нужно произвести предварительный замер. Опять же многие думают, что путники ориентируются исключительно по звездам. Да, так действительно можно делать, если у вас есть нужные приспособления и немало терпения. Если же такого в наличии не имеется, вам поможет солнце.

Посмотрев, куда падает луч, я сделал зарубку на земле, встал туда, по-хитрому сложил пальцы и возвел их к небу так, чтобы лучи солнца попадали на ладонь. Получалось, что

от курса мы отклонились не так уж сильно, надо будет взять на северо-восток. Возможно, к следующему закату мы доберемся до деревни, а там и тракт недалеко, и до города парадней пешего перехода.

Надо отдать должное Принцесске: она, несмотря на все свои заскоки, уже недурно управлялась с костром. Вот и сейчас, пока я занимался навигацией, довольно резво сложила дрова и даже воткнула две палки под стойки для будущего вертела. Убрав саблю в ножны, я подошел к конструкции и внимательно осмотрел. Где-то поправил кору и траву, чтобы огонь шел с ветреной стороны и пламя лучше занялось. Где-то заменил слишком толстые сучья на тонкие, где-то наоборот. Но в целом остался доволен и одобрительно кивнул. Лиамия лишь презрительно фыркнула, мол, для нее это как два пальца и мое одобрение никого не волнует. Я пожал плечами и стал раздеваться. Жуть как хотелось ополоснуться и напиться нормальной воды, а не росы.

– Постой, – сказала черноволосая смуглянка, когда я уже стянул штаны, оставшись лишь в шортах-трусах. – Дай стежки осмотрю.

Я даже не сразу понял, чего от меня хотят и что она, собственно, собирается осматривать. Девушка же, наткнувшись на мой удивленный взгляд, возвела очи горе и хлопнула ладонью по земле:

– Садись, раны буду смотреть.

– А что на них смотреть-то? – недоумевал я.

– Как – что? – также удивилась леди. – Ты вон в воду собрался. А зашила я тебя только вчера, мало ли что. Вода здесь не родниковая, грязь какая забьется – гной пойдет. И что мне потом? Руку тебе резать?

Когда я въехал в ситуацию, то засмеялся в голос и смог остановиться, лишь когда спутница пошла красными пятнами от еле сдерживаемого гнева.

– Для начала – в лесу все стерильно, – вспомнил я старую как мир присказку. – Да и к тому же на мне все как на собаке.

– В последнее верю. И все равно садись.

Я вздохнул:

– Если высокородной леди так хочется меня пощупать...

Подойдя поближе, я сел. Рядом уже весело трещало пламя, а воздух дрожал от поступающей вечерней прохлады. Скоро на небе засияют звезды, затрещат по кустам цикады. Вот она какая, охота. Не то что в книгах пишут: раз – и ты уже с добычей в дом идешь. Нет, настоящая охота – она долгая. И мне еще повезло, что за день управился. А кто не так ловок – и пару дней может цель выслеживать.

Девушка цепкими пальчиками стянула повязки и стала ощупывать раны. Я подивился силе ее с виду нежных пальцев. Прикосновение холодных от недавнего купания рук немного приободряло. Сначала леди осмотрела пострадавшую руку, где на плече и предплечье были видны следы от укусов. Потом переместилась на грудь, но там были лишь царапины и ничего серьезного. Хотя сама Принцесска, обсле-

дую эти глубокие борозды, была другого мнения. Закончился осмотр на ногах, которые пострадали сильнее всего. Оно и понятно. Демоновы волки догадались, что прыгать мне на горло – самоубийственная затея, вот и грызли что пониже.

Получив одобрительный хлопок по плечу, заметьте – больному, я встал и потянулся. Повязки Лиамия сняла, чтобы в воде не намокли. Но я уже знал, что не дам ей нацепить их обратно и запеленать меня, как дитяtko неразумное. Я раны обычно держу на свежем воздухе. Ветер их быстрее заживит, чем любая тряпка. Когда же я повернулся к леди филейной частью тела и закатное солнце упало на спину, то я расслышал позади изумленный выдох.

– Знаешь, таким остолопам, как ты, просто противопоказано заниматься самолечением.

Я тут же догадался, о чем идет речь. Там, в пещерах Харпуда, мне пришлось буквально сжечь спину, чтобы не допустить заражения крови. Благо вовремя подобравшие меня «Слепые кошки» подлатали найденыша, и теперь вместо страшного ожога по всей спине идет сеточка шрамов, похожая на кривое шахматное поле.

– Не нравится? – не оборачиваясь, усмехнулся я.

– Как такое вообще кому-то может понравиться!

Я хмыкнул и, разбежавшись, сиганул в ручей. Погрузившись в воду с головой, прижал колени к груди, обхватил их руками и стал медленно погружаться на дно. А с ручейком я хватанул. За маленькую речку сойдет: берег крутой, а до

дна – метра полтора. Когда же я достиг этого самого дна, то раскинул руки и ноги в стороны, аки морская звезда, и, вцепившись пальцами в какую-то растительность, открыл глаза.

Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь водное покрывало, достигали песчаной поверхности обрывистыми пучками. Они мерцали в такт легкой ряби, гонимой ветром от истока к берегам. Здесь было спокойно, и даже холод занимал меня меньше, чем бесконечная тишина. Нет, здесь, конечно, имелись какие-то свои звуки. Но они так новы для человеческого уха, так тонки и прозрачны, что я их не замечал, продолжая глядеть на небо. Жаль, я не мог позволить себе вдоволь наплаваться: нужно заниматься мясом, пока мошкара не налетела. Оттолкнувшись от дна, я всплыл, взъерошил волосы и потопал к берегу.

Не стану описывать весь долгий, нудный, кровавый и весьма утомительный процесс сдирания кожи, отделения жил от мышц, вынимания хрящей, нарезки и нанизывания особо сочных частей мяса на толстые прутики. Да и сам процесс затянулся, потому что Принцесска все время морщила нос, возмущенно пыхтела и даже заявила, что я варвар. Но все же, когда мясо начало подрумяниваться, а те травы, которыми я его посыпал, выпарились и придали ужину особый аромат, леди успокоилась и жадно глядела на вертел. Первую порцию я отдал ей целиком. Лиамия, не обращая внимания на то, что ест без всяких серебряных вилок, ножей, шелковых салфеток и кучи служанок под боком, быстро все умяла.

Я даже опомниться не успел, как она утерла лицо большим листом, сорванным с куста, и блаженно улыбнулась. Такой скорости мог позавидовать и мой бывший сослуживец Щуплый. Уж он-то на что знатный едок, а так быстро бы не счмячил. Вторую порцию мы уже разделили на две половины, из третьей мне досталось три четверти, ну а от четвертой девушка отказалась. Каюсь, я слопал еще и пятую, да поглядывал на окорок, лежавший на земле, в раздумьях над шестой, но все же я был сыт.

Оглядев поляну, я скорбно вздохнул. Столько добра пропадает. Шкура, жилы, кости, недоеденное мясо, сердце... разве что мышцы никому продать нельзя, а все остальное очень даже неплохим спросом пользуется. Стоит дешево, но путь предстоит долгий, мало ли когда монета понадобится. Из дневника я достал уже две закладки, а из костра вытащил самое толстое полено, которое пылало что твой факел. На его место я кинул еще хвороста, чтобы костер не загнулся раньше времени. Кинув в огонь закладку с печатью, я убедился в ее работоспособности и взялся за дело. Все это время за мной неотрывно следила Принцесска. Ха, оказывается, под личиной надменной леди скрывается обычная любопытная девушка, которая всюду свой нос сунет.

Ну да ладно. Двумя взмахами сабли я заострил полено и воткнул его в землю так, чтобы пламя стояло вертикально. Затем распорол по боковому шву свою рубашку: за один день курткой кожу не сотру, да и вряд ли эту задубевшую ко-

жу вообще можно чем-либо стереть. Положив рубашку справа от факела, сходил в рощу и содрал с деревьев как можно больше коры, которую, вернувшись, поместил на рубашку. И последний штрих – я сел между факелом и кучей барахла.

– Лиамия, – обратился я к леди. Это был первый раз, когда я назвал ее по имени. – Что бы сейчас ни произошло, ты должна сидеть тихо. Не спрашивай меня ни о чем, не говори и постарайся даже не дышать. Договорились?

Леди кивнула.

– Тогда приступим...

Лиамия Насалим Гуфар

Девушка сидела тихо и боялась даже вздохнуть. Она подтянула ноги к груди и, обняв их руками, попыталась сжаться в комочек. Во дворце ее отца тоже жили маги или, как их называли в Алиате, шарханы. Но женщинам не позволялась с ними общаться. Старухи-воспитательницы говорили, что у всех шарханов на уме лишь недоброе. Говорили, что они изменчивы, как весеннее небо, глянешь раз – увидишь одно, глянешь два – совсем другое, а если будешь слишком долго вглядываться, то шархан утянет твою душу в вечную тьму Фукхата.

Даже живя в алиатском посольстве в Сантосе, она не могла пообщаться с имперскими магами. Ее старший брат строго-настрого запретил ей это. На балах за ней всегда следили

доверенные лица, а на прогулках рядом были служанки. Да и сейчас Лиамия понимала, что правы воспитательницы: все зло – от шарханов. После весеннего бала девушка поссорилась с братом. Ей очень хотелось хоть одним глазком взглянуть на академию, но брат стоял на своем, а под конец так рассвирепел, что отправил с вестниками «слово» отцу. Тот поддержал сына и приказал дочери воротиться домой. И если бы эти два человека так не кипели от гнева и негодования, ей бы выделили целый отряд гвардейцев – личных воинов визиря, первого после султана, а так – просто подыскали самых надежных телохранителей. Никто и подумать не мог, что путники повстречают целый отряд разбойников, да не лесных, а настоящих наемников, спустившихся с тракта. От них, понятное дело, и гвардейцы бы не спасли, но все же с настоящими воинами леди чувствовала бы себя спокойнее.

Теперь же ей придется пройти полмира вот с этим. Ни манер, ни уважения, ни почтения, ведет себя как неотесанный деревенщина. Не знает ничего об этикете и правилах хорошего тона. А потом вдруг выясняется, что он шархан, хоть и говорит, что знает только фокусы. Но в сказках старух самый темный и нечестивый шархан всегда притворяется неумелым, чтобы потом, когда от него никто этого не ждет, сотворить ужасное зло. Вот и сейчас этот юноша, хотя будет вернее сказать – молодой мужчина, попросил ее не шевелиться. Но девушка, напуганная потусторонним светом в его глазах, и так не могла пошевелиться, и сколько же ей

понадобилось сил, чтобы сохранить лицо и просто кивнуть. И все же, как бы ни было страшно дочери визиря, она не могла оторваться от человека, сидевшего напротив. И в этот момент, когда он близок настолько, что обойди костер – и можно коснуться, Лиамия ощутила, как он с каждым ударом сердца все удаляется, будто его куда-то затягивает.

Вдруг сильный порыв ветра придавил пламя костра, и девушка могла поклясться великими предками, что увидела в оранжевом огне серебряные нити. А потом все ее внимание приковал к себе телохранитель. Он глубоко и ровно дышал, вроде бы ничего не происходило, но девушка буквально кожей ощущала, как вокруг парня собирается нечто, что невозможно описать ни одним из языков, на которых общаются смертные. Спустя мгновение Тим Ройс (какое странное имя) поднял руку, в которой был зажат длинный прямоугольный листок с какими-то рисунками. При свете костра и только взошедшей луны Лиамия заметила, как черный рисунок постепенно наливается серебряным светом. И в тот же момент пламя факела неестественно вытянулось примерно на двадцать сантиметров вверх. Трава вокруг воткнутой головешки задрожала, хотя ветер уже стих. И тут недавно зеленая, свежая, молодая травка начала вянуть, желтеть и покрываться черными, как глаза бездны, пятнами.

Бумажка в руках Тима завертелась, словно веретено у опытной пряжи. И девушка лишь подивилась тому, как точно подобрала сравнение. От вытянутого пламени стали от-

деляться тонкие нити. Они тянулись к листку и оборачивались вокруг него. Вскоре в круге диаметром полметра были лишь пожухлая трава и полностью сторевшее полено. Оно выгорело, как сердце влюбленного юноши, всего за пару минут огненной страсти. В руках же шархана теперь находился настоящий клубок из оранжевых нитей.

Лиамия нервно вздрогнула, но вспомнила наказ и не позволила себе испуганно вздохнуть. Телохранилитель поднес пылающий комок к лицу так близко, что мог бы спалить кожу. Но этого не произошло. Он лишь глубоко вдохнул, и клубок стал разматываться, а оранжевые нити, подлетая к лицу шархана, оборачивались серебряными. Через минуту клубок пропал. Тогда Тим протянул руку к рубашке и коре, на его ладони засияли странные символы, и куча барахла вспыхнула ярко-серебряным пламенем. Когда же оно опало, то перед шарханом лежал большой походный мешок. Девушка с облегчением выдохнула, полагая, что волшебник закончил с таинством. Но духи предков, как же она ошибалась!

Тим направил руку на Лиамию, и дочь визиря застыла от страха. Вот он, момент истины! Сейчас шархан заберет ее душу и заточит в беспросветной бездне. Воздух вокруг леди задрожал, и ее объял яркий серебряный всполох.

– Ай! – Девушка вскрикнула, не сумев сдержать ужас, рвущийся из глубин легких.

Она ждала нестерпимого жара, пожирающего плоть, ждала, что душу будут вырывать из тела, и так она долго этого

ждала, что не заметила, как пламя опало.

– А я ведь просил тебя не кричать, – прозвучал усталый, но по-прежнему мягкий голос.

Лиамия открыла глаза и посмотрела на волшебника. Он тяжело дышал, его плечи дрожали от потраченных усилий. По лбу катились крупные градины пота, а губы до того сильно были сжаты, что превратились в длинную белую полосу, еле различимую на столь же бледном лице.

Приступ паники прошел, и девушка оглядела себя. Теперь она не смогла сдержать вздох удивления. Прежде порванное платье теперь казалось новеньким. Разве что походило на длинный сарафан с пышным подолом. Да и было странно-го зеленого цвета. Леди стала о чем-то догадываться. Она оглядела поляну и заметила, что сидит в кругу желтой, мертвой травы. Она снова посмотрела на платье и пробежалась по нему пальцами. Возникло такое ощущение, будто она до-трагивается до весеннего луга.

– Что это? – с придыханием спросила алиатка.

– Фокус, – с показным безразличием ответил шархан. – Давай спать, завтра рано вставать.

Будто показывая, что больше не ответит ни на один вопрос, Тим кинул в костер пару веток и улегся на бок, прикрыв глаза.

Тим

Что, Сонмар, наставничек мой безумный, съел, да? Думал, что ученик твой – бездарность полная, да еще и с малым резервом? Ну, может, де-факто Сонмар и был прав, не очень-то я спор на магию, а энергии столь мало, что на фоне остальных магов я – как зажигалка на фоне газовой плиты. Хотя нет, это явное преувеличение. Скорее газовая плита – это Санта, а остальные так... Но все же умный в гору не пойдет – умный попутку поймает. Вот и я, выражаясь на профессиональном сленге, «поймал попутку». И как в большинстве стран на Земле автостоп является незаконным, так и на Ангадоре. Будь рядом следящий маг, он вмиг скрутил бы меня и отправил к господам дознавателям, а у тех просто в крови ненависть ко всем, кто обладает даром. И вот в чем вся ирония: некромантам, значит, для ритуалов можно животинку мучить и все такое, а вот тем, кто не имеет медальона их братаи, строжайше запрещено заниматься подобным. И никого не будет волновать, что я вовсе не животных или людей загубил, а пламя и немного травы. Хотя, уверен, кроме меня да пары других чертильщиков, никто не способен забрать энергию у пламени и переварить ее. Я и сам бы без прозрачных намеков наставника никогда не дошел до такого безумства.

Я, конечно, могу удариться в философию и напомнить вам рассуждения Сонмара на тему бесконечного водоворота огня, воды, воздуха и земли, но вряд ли это кому-то интересно. Так что примите на веру – я сожрал огонь и сделал

его своей силой. А поскольку этого оказалось слишком мало, еще и жизненную силу земли забрал. Что я для этого использовал? Ну не так уж сложно догадаться: руны некромантии, вписанные в особую печать моей разработки.

Сейчас же вы, наверное, недоумеваете, почему я не заберу всю энергию леса и не пойду вершить великие дела. Что ж, объясню. Я и так сейчас чуть не помер – захотелось впечатление произвести, темных богинь мне на любовное ложе! Опять же воспользуемся кулинарными сравнениями. В кастрюлю не нальешь супа больше, чем объем самой кастрюли. Суп просто вытечет через край и убежит. Вот и здесь то же самое. Мой резерв имеет свой предельный объем. Обычно он заполнен где-то на три четвертых, а одна четвертая свободна. Вот в нее-то и можно подкачать силы. Отсюда использование всяких амулетов силы, кристаллов-накопителей и прочего заоблачно дорогого барахла.

Для меня – барахла, так как один такой кристалл содержит три-четыре моих резерва и в моем случае попросту бесполезен. А вот такие ритуальные фокусы, которыми пользовались неучи прошлых веков, – в самый раз. Только надо меру знать. Я же попер напролом. Пламени и земли хватило на то, чтобы преобразовать распоротую рубаху и кору в походный мешок. Однако мне захотелось впечатлить и пугануть назойливую Принцесску. Вот я и потянулся к новой порции силы, преобразовав заодно и изорванное платье девчонки. Но чуть коньки не отбросил, когда энергия бурным потоком

протекала сквозь меня и была готова разорвать стенки сосуда-кастрюли. И все это ради какого-то ребячества – трансформация все равно день продержится, а потом распадется на составляющие. Вот будь я артефактором, тогда да: они пользуются схожими методами и такое создать могут... Но куда мне до них.

Когда я уже почти заснул, до меня донеслась тонкая мелодия. Сначала я не понял, что это и откуда, но вскоре, когда остатки так и не подступившего сна опали, я узнал Лиамию. Я лежал к ней спиной и не мог видеть лица, но предполагал, что его выражение – не самое веселое. Голос ее был мягок и спокоен, как раз для такой песни. В ней излагалась древняя, как сам Ангадор, история.

Лежал на дороге камешек. Когда-то он был огромным валуном, который не свернул бы и великан. Но время источило его, и к моменту начала истории он стал не больше детского кулачка. Камешек каждый день видел, как по дороге проносятся люди: торговцы, крестьяне, военные отряды, одинокие спутники. Все они куда-то спешили, что-то видели, о чем-то мечтали. А камень лежал, и все, что он мог увидеть, – небольшой отрезок дороги. Но так было лишь до тех пор, пока мимо не проехала карета. Из нее выпрыгнула девочка лет шести и подобрала камешек. Ей он показался удивительно похожим на маленького человечка, и это действительно было так, время сыграло с валуном дурную шутку.

Девочка оказалась принцессой, и вскоре камешек лико-

вал. Он больше не валялся на дороге, где каждый считал своим долгом наступить на него или пнуть. Теперь он находился на подоконнике в покоях принцессы. Он мог видеть очень многое.

Утром он наслаждался видом ухоженного сада, наблюдая за тем, как медленно распускаются бутоны цветов, а на их лепестках россыпью бриллиантов сверкает утренняя роса. Вечером же он смотрел, как загораются огни города, расположенного под холмом, а позже, когда солнце пряталось где-то на западе, вел беседу со звездами. Теперь-то звезды могли услышать его, и они рассказывали маленькому камню о далеких землях, морях, ветрах и людях. Звезды видели столько всего и могли рассказать еще больше! Камень загорелся идеей самому все это увидеть. Годы проходили за вечерними беседами со звездами.

Каждый день с ним играла принцесса. У нее не было кукол, король-батюшка этого не одобрял, и девочка забавлялась с камешком-человечком. Она рассказывала ему о своих переживаниях, спрашивала молчаливого совета. А камешек лишь наблюдал, как она растет и как с каждым днем ее красота затмевает свет звезд. Так прошло одиннадцать лет.

Но юные девушки вырастают из кукол. Их мысли теперь занимают сверкающие балы и кавалеры. Про камешек же забыли. Он теперь, как и когда-то, пылился на подоконнике. Все, что он мог, – это терзаться рассказами звезд и смотреть на далекую, недоступную ему жизнь. А плюс ко всему у него

начало болеть где-то с левой стороны. И болело с каждым днем все сильнее, а единственным лекарством было присутствие принцессы, которая уже давно о нем забыла. Все просто – камешек влюбился в девушку, но не мог никому об этом рассказать. Звездам было все равно, а люди его не понимали. Порой он неделями кричал, вопил и стонал, но на него все так же не обращали внимания. Счастье обернулось кошмаром. И все, что оставалось, – продолжать кричать.

В один прекрасный день дверь в комнату отворилась, и на пороге показался волшебник. Он спросил у камня, чего ради тот так орет. Камень подивился человеку, который понимал его язык, а человек подивился камню, который не знает, с кем из людей можно разговаривать. И тогда камешек, узнав, что незнакомец сведущ в магии, попросил превратить его в человека. Волшебник отказался и не объяснил причину. Но камень молил его, рассказывал о том, как сильно любит принцессу, о том, как долго мечтал поведать ей об этом. И так сильно молил он волшебника, что тот сжалился над камнем и исполнил его желание. В тот же миг на подоконнике очутился юноша. Он был так же красив, как скульптура, только-только вышедшая из-под резца умелого скульптора. Камешек не мог поверить – он был человеком. Он мог говорить, дышать, чувствовать.

Секунду спустя в комнату вошла принцесса. Волшебник тут же скрылся в тених, и молодые люди остались наедине. Камешек открыл было рот, чтобы признаться в любви, но не

мог вымолвить ни слова. Он отвернулся от принцессы и посмотрел на далекую линию горизонта, которую закат окрасил в алые тона. И с каждым уходящим лучом дневного светила что-то покидало тело молодого человека. И когда на город опустилась ночь, он услышал звезды: они вновь рассказывали ему о далеких странах. Не прошло и секунды, как окно распахнулось и юноша, спрыгнув в сад, умчался к горизонту. Он больше не мог слышать эти рассказы, он все хотел увидеть сам.

В то же мгновение принцесса упала на кровать и забилась в рыданиях. Она влюбилась в красивого юношу с первого взгляда, но не смогла вымолвить ни слова, и тот исчез, подобно наваждению. Волшебник, скрывавшийся в тених, явился девушке и все ей объяснил. Он рассказал о том, кем был тот юноша, и девушка зарыдала пуще прежнего. И тогда волшебник поведал, почему не хотел выполнять желание камешка. Ведь камешек с человеческим сердцем влюбился в принцессу с каменным сердцем, а принцесса с ожившим сердцем влюбилась в юношу с окаменевшим сердцем. На том песня кончалась.

Глупее я ничего в своей жизни не слышал. Даже те портовые куплеты, что слагают пьяные матросы, обладают большим смыслом.

– Молодец, – недовольно буркнул я. Хотя голос у нее был тягуч, как патока, и сладок, как свежий мед, но могла бы и сменить репертуарчик. – Приманила все зверье из леса... И

если что – волшебники камни в людей не обращают, разве что наоборот.

Усмехнувшись вспомнившейся излюбленной академической байке, я глубоко вздохнул и мгновение спустя заснул.

– Как ты можешь утверждать, что скинка останавливает кровь? – продолжала причитать Принцесска. Я же в это время скорбно молился богам о ниспослании мне огненного дождя, потопа, серафима с пламенным мечом. На худой конец, могли бы меня в соляной столб превратить! – Да в Алиате скинка запрещена для ввоза! Помнится, султан сначала пошлину повышал, а потом и вовсе запретил. Ее же в каждой курильне можно было найти, и народ, покурив, сходил с ума! А ты хочешь ее для врачевания употребить!

Постойте, не перелистывайте страницу. Я понимаю, ее треп достал даже вас, но я сейчас поясню...

Началось все с сегодняшним рассветом. Надо признаться, утро было прекрасным настолько, насколько может быть в принципе прекрасно утро. Пели птицы, журчала маленькая речка, из-под углей тянулся аромат запеченного мяса. Да и завтрак внушал уважение: никакой каши и росы, лишь оленина и свежая, холодная до дрожи водица из реки. Казалось, ничто не сможет омрачить сей день. Но, видимо, я исчерпал расположение богов и они вспомнили наемника Тима Ройса, которому стало слишком хорошо житься.

Утром я предоставил смуглянке время, и та вдоволь на-

плескалась в ручье. Я же на скорую руку умылся, сменил воду во фляге и спрятал кострище. Привычки... Потом мы продолжили путь. До деревни оставалось часов девять-десять ходу, и я решил, что будет куда лучше, если мы сбавим шаг, но обойдемся без привалов. В своем плане я не учел лишь одну переменную – Мию, так я решил называть Лиамию, когда понял, что это имя мне без смешка не выговорить. Дочка визиря решила вспомнить, что она вроде как леди и ей не положено бродить по лесу босой. Когда же я сообщил ей о том, что предложенные сапоги некая черноволосая красавица выбросила в овраг, она лишь хмыкнула и попросила сотворить ей сапожки. Великих сил мне стоило не ругаться с ней в пух и прах, так что я просто сообщил, что не могу этого сделать. На вопрос «Почему?» сочинил какую-то страшную сказку, чем добавил в копилку мифов о шарханах еще немного жути. Девушка успокоилась. На время.

Потом же все началось снова. Она ныла и ныла, ныла и ныла и все продолжала ныть. Потом она и вовсе расселась на пне – яркой примете того, что мы близко к людям, – и заявила, что не сдвинется ни на шаг, пока не отдохнет. И вот что бы вы сделали на моем месте? Наверное, превратили ее в камень, что было бы весьма забавно, и убрались в Рагос. Увы, я скреплен с этим существом своим же словом, так что пришлось идти на крайние меры. Я просто достал веревку, под крики и попытки кусаться, а также пинаться и бодаться затянул узелком своеобразный поводок у Мии на запястье,

а второй конец обмотал вокруг своего. Этот яркий пример хамства и полного пренебрежения приличиями принес мне сначала десяток минут отборной брани, в которой я разве что с темными богинями не был сравнен. После же наступила блаженная тишина.

Не смею описать то наслаждение, которое испытывал, когда звуки, доносившиеся до моего слуха, ограничивались лишь игрой ветра в листве, призрачными шорохами в глубине леса, пением птиц и прочей лесной симфонией. Это было сравнимо с тем, когда вы долгое время сидите в попутке и слушаете что-нибудь похожее на радио «Шансон» или «Хиты Бутырки», а потом машина останавливается, вы выходите на улицу и... Вот примерно то же самое испытывал и я.

Все было бы не так печально, если бы у меня на привязи шла обычная крестьянка или девушка с окраины города, а может, и подруга служивого, но ведь это была тори, по-нашему – аристократка. Уже через четверть часа Мия буквально взорвалась и стала причитать, что веревка жутко трет, и вообще, она возмущена до глубины души. Пришлось остановиться и сорвать особую травку. Найти ее было так же просто, как гриб после дождя, и уже вскоре, разжевав горьковатое растение, я смазал этой кашицей слегка покрасневшее запястье подопечной. И это она называет «натерла»! Вот когда Нейла, девушка-воин из отряда наемников, умудрилась целую декаду носить сапоги на босу ногу, не рассказывая об этом никому, это было «натерла». А потом последо-

вало представление – недовольный Молчун, тогда еще тайно влюбленный в нее. Выполнив священную миссию по спасению чьей-то изнеженной кожи, я было вновь погрузился в манящую тишину, переливающуюся таинственным, потусторонним лесным шепотом, как вдруг выяснилось, что Принцесска хочет поболтать.

Признаюсь, разговаривать на тему лекарственных трав мне понравилось. Леди была весьма осведомлена в этом вопросе, а я уже три года как не общался ни с кем, кто знает о лечебных свойствах флоры больше, чем обычная деревенская хлопотушка, которая на любую хворь подорожник приложит. Так и потянулось. За беседой время пролетало незаметно, и я даже воспрянул духом. Но зря. Никогда не стоит забывать, с кем ведешь беседу. В какой-то момент мы перешли на забавные истории, и я тут же припомнил, как останавливал кровь принцу Константину, когда тому расквасили нос. Тут же выяснилось, что на востоке забой-трава обзывается скинкой и никому в голову не придет лечить ей кого-то. Я был обвинен в варварстве. И вот эта цепочка событий, виновным в которой я вижу только себя и свой порыв попутешествовать и получить за это какие-то барыши, привела к следующему диалогу.

– Светлые боги, – вздохнул я, возведя очи горе. – Да какая тебе разница! Ну использовал я эту твою скинку, чтобы вылечить кого-то. Тебе-то что? Чего ты извелась? Нет, я понимаю, если бы я простуду каленым железом врачевал или

перелом кувалдой правил, но подобная мелочь...

– Все так говорят – мелочь, – никак не успокаивалась смуглянка. – А в итоге от такого неквалифицированного лечения один вред. Ты вообще спину свою видел?

– А она-то тут при чем?

– А все при том!

– При чем «при том»?

– Вот только не прикидывайся дурачком. Ты, конечно, варвар, но такие вещи должен понимать.

– Я тебя сейчас вообще не понимаю.

– Пф, значит, действительно дурак. И все равно скинку так применять нельзя.

– Можно не перепрыгивать с темы на тему?

– А если бы у него от этой твоей забой-травы осложнения пошли? Но ты ведь об этом не подумал, куда тебе. Лишь бы саблями своими помахать. Мужлан!

– Хорошо, ладно. – Я опять вздохнул и потер переносицу. – Предположим, между спиной и скинкой есть хоть какая-то связь, но сабли-то зачем приплела?

– Ничего я не приплетала! – надулась Мия и, вздернув носик, отвернулась.

Боги! Вы слышите меня? Какую жертву вам надо принести, чтобы вы заставили меня забыть имперский и алиатский языки? Продолжая тяжело вздыхать, я вел за собой девушку, надеясь, что ее обида продлится дольше чем полчаса, потому как потом она снова начнет меня учить. А еще говорят,

что все высокородные хорошо воспитаны. То, как она себя ведет, и близко к воспитанию не лежало. Как же я ненавижу скулеж и нытье!

Солнце потихоньку клонилось к западу, стремясь поскорее спрятаться в волнах Закатного моря. Редкие лучи спешащего на покой светила падали на землю, проникая сквозь густой потолок листвы. Они походили на золотые столбы, щедро разливающие гордый металл по зеленому ковру. Можно было наблюдать, как мистично шелестит ветер, будто танцуя со светом. Он играет, дразнит его, то стремительно вороша кроны, создавая в лесу целое светопреставление, то затихает, скрывается где-то в небесной выси, давая солнцу возможность согреть живых существ. Но вскоре, собрав свои немалые силы, ветер вновь устремляется к одной лишь ему известной цели, руководствуясь лишь ему известными причинами. Чем-то мне это напоминает Принцесску: избалованная девица, считающая, что раз уж она что-то знает, то это истина в последней инстанции и сомнению не подлежит. Чувствуется, что когда через полгода (даже представить сложно этот срок – полгода!) я от нее избавлюсь, то принесу немалые жертвы Харте, как минимум золотой для нее отыщу.

– Я устала. – Не прошло и часа, как это чудо снова завело свою шарманку. – Давай отдохнем.

– Нет, – буркнул я. – Нам осталось совсем немного. Скоро уже деревня, там отдохнешь.

Девушка дернула меня за рукав, и я повернулся к ней. О темные боги, вот только мокрых глаз мне не хватало.

– Ты час назад говорил то же самое, и два часа, и три тоже!

– Если бы ты чуть быстрее шевелила ногами, уже давно бы пришли, – откровенно соврал я и дернул веревку, возобновляя ходьбу.

– У меня ноги болят, я больше не могу идти, – жалобно проговорила алиатка.

– Скажи это моим выброшенным сапогам.

– Давай остановимся. А потом продолжим путь. Сам же говоришь, что деревня уже близко. Час-другой ничего не изменят.

– Нам нужно попасть туда до темноты. Иначе закроют ворота и не пустят, а если будем настаивать, то собак натравят или камнями закидают.

– Как – собак? Почему не пустят? – искренне удивилась Мия.

– А с какой стати тебя должны пускать в деревню ночью? Что, народу делать больше нечего, кроме как мужиков из постели тягать, чтобы засов поднимали на воротах?

– Ну... ну... ну...

– «Ну-ну», – передразнил я ее. – Шевелись уже, если не хочешь опять на земле спать.

Девушка задохнулась от возмущения, а потом выпалила:

– Ты бесчувственный босой мужлан!

Тут уж я не вытерпел. Резко обернулся, и леди натолкну-

лась на меня. Я же только дернул веревку и вперился в кошачьи гляделки Мии:

– А ты – избалованная смазливая девчонка! Только и слышу – «ох, как мне плохо», «ох, как здесь скучно», «ох, где же мои слуги», «ох, как хорошо во дворце», «ох, сделай то, сделай се». Оглянись – ты в лесу, и единственная твоя надежда на возвращение домой – это презренная босота, осмелившаяся так неуважительно себя вести. Вот только ты в данный момент беднее меня и выжить одна не сможешь, а значит, могла бы проявить хоть чуточку уважения. И если ты не заметила – ты и сама сейчас боса! – Я понимал, что наговорю теперь много обидных вещей, но меня уже понесло, и забрало опустилось. – Бесконечное бла-бла-бла! И вот только попробуй сейчас зареветь. Клянусь богами старой и новой религий, я закопаю тебя в яму по голову и оставлю на суд лесной! А если до завтрашнего дня хоть слово обронишь, превращу в камень и закину в самый глубокий, темный, кишашщий змеями и разными тварями провал!

Губы девушки уже дрожали, а на глаза навернулась предательская влага.

– Я тебя ненавижу! – выкрикнула она.

– Прекрасно! – гаркнул я. – Ненавидь в свое удовольствие, только заткнись и не мешай мне заниматься вопросами нашего выживания. Темные боги, ну почему я сразу в Рагос не свернул?

Скрипнув зубами от злости, я развернулся и дернул верев-

ку. Настроение стремительно портилось. Но своего я добился. Исключая рваные, редкие сдерживаемые всхлипы где-то позади, больше ничто не раздражало слух. Возможно, многие из вас сейчас бросились бы утешать леди: в конце концов, она не виновата, что выросла такой, да и если сравнить ее со многими аристократками, то она еще держится молодцом. Мол, другие аристократки уже ревели бы навзрыд и рвали на себе волосы, одновременно с этим кусая локти, а она почти целый сезон держится. И все же, даже учитывая тот факт, что я был слишком резок и отчасти неправ, здравый смысл мне отшибло начисто и извиняться я не стану ни при каких обстоятельствах.

Через пару часов мы дошли до деревушки. Она стояла на широкой вырубке, и дальше виднелось поле, за которым, скорее всего, лежала дорога, достаточно широкая, чтобы по ней проехала повозка, но не подходящая для караванов, крупных торговцев и уж тем более военных отрядов. То, что нужно. Здесь можно пару дней передохнуть и купить самое важное. Вокруг поселения тянулся длинный, местами покрывшийся мхом и поросший ветвями частокол. Не особо высокий и уж точно непохожий на фортовую стену крупных поселков. При желании эти некогда массивные заточенные бревна можно пробить чуркой побольше. Но старосту деревушки под названием Хлебка это нисколько не волновало. В конце концов, ни один барон не захочет, чтобы дорога лишилась столь удобного перевалочного пункта. Да и частый

путник оставит в трактире звонкую монетку. А крестьянин знай себе сеет, пашет да барщину соблюдает. Вот он, нехитрый закон тихой жизни на краю баронств.

Оглянувшись на девушку, которая тут же отвела взгляд, я действительно пожалел о несправедливых и резких словах. Ведь как она держалась, когда целую ночь штопала мою шкурку! Не каждый парень на такое способен, а тут домашняя, вернее, дворцовая девчушка... Вот только непонятно, почему она капризничает? Или в игры какие со мной играет? Но куда уж мне. Наемникам тайны дворцовых стихий и женского ума неподвластны. И если она хочет, чтобы я к ней нормально относился и не срывался почему зря, пусть ведет себя... попроще, что ли.

Тяжко вздохнув, я побрел к импровизированным воротам, представлявшим собой две высокие створки метра по три каждая. Сама же стена была метра четыре, а то и четыре с половиной. Створки эти уже пропахали глубокие борозды в земле. На ночь их запирали на массивный засов, с которым и пятеро кузнецов еле сдюжат, а простого люду с полей пришлось бы нагнать с десятков. Потому-то я и торопил миледи. Ведь запоют цикады, и засов опустят, а на пришлых посыплются оскорбления и камни. И даже проезжай здесь император, створки никто не распахнет. Его императорское величество не имеет в баронствах никакой формальной власти, разве что экономическое влияние.

Когда мы уже почти дошли до маленькой сторожки, я рез-

ко остановился, будто Молчун огрел меня по голове и вбил по пояс в твердь. От неожиданности девушка налетела на меня, но я вовремя подхватил ее и не дал упасть.

– Прошу прощения, – на автомате выговорил я и отмер.

Не знаю, что она там ответила (или не ответила вовсе), но я лишь сейчас осознал, что впервые за восемь лет (трудно в это поверить, да?) сорвался! И не просто сорвался, ну то есть не разбил кому-то лицо, не вызвал на дуэль, хотя на дуэлях никогда не сходилась, а вот так – взял и наорал. Да, темных богов в мой дом, я вообще никогда в жизни ни на кого не орал. И стоило мне потянуть за эту ниточку, как я тут же понял, что никогда в жизни не решился бы сойтись в битве со сворой волков, предпочтя их обществу толстый сук, на котором можно укрыться. Так же я бы никогда в жизни не сказал девушке при первой встрече то, что сказал Мии, когда она очнулась. Нет, ну это ж надо – расписать леди все ужасы лихой вольницы! И уж тем более прыжку в водопад нормальный я предпочел бы отсидку в кустах. Поверьте, я бы сумел укрыться от горячей погони даже с выводком мартовских котов на руках, не то что с этой, тогда полуобморочной несчастной. И конечно же, бывалый наемник никогда бы не заснул на берегу озера, не почуяв сквозь дрему запах паленого мяса и горящих повозок.

– Кем будете? – спросил плотный мужичок в сторожке. В руках он держал звонкий колокольчик на деревянной палке, а в темных глазах светилось подозрение, смешанное с легким

страхом.

Часто путники ожидают увидеть в таких будках какого-нибудь старичка, но кто в своем уме посадит на эту должность уважаемого человека в преклонных летах? А уж в деревнях любой, кто природный цвет волос давно сменил на седину, пользуется уважением, и относятся к нему с почтением. Ну... в большинстве случаев.

– Здрав будь, добрый человек! – Я положил правую руку на ременную бляху и поклонился сторожу. Потом положил туда же левую руку, развернулся к деревне и сделал поклон в пояс. – И пусть дом твой будет в здравии.

– И ты здрав будь, добрый путник. – Из глаз крестьянина пропала настороженность, а на смену страху пришло любопытство. – Таверну найдешь в конце главной улицы. Ну а где дом брата твоего, не буду говорить. Коль ты есть тот, кем хочешь казаться, сам найдешь. А коли нет, то не обессудь.

– Спасибо и на этом, – кивнул я. – Тихой ночи тебе, добрый человек.

– И тебе, путник, – мужичок хмыкнул и окинул цепким взглядом ладную девичью фигурку, – тихой ночи.

Отчего-то этой незатейливой шутке улыбнулся и я, в результате чего чуть было не оказался прожжен чьими-то зелеными глазами.

Мы вошли в деревню. Главной улицей селяне именовали свою единственную улицу, самую широкую, ту, которая шла

от ворот до площади, а потом упиралась в дом старосты, самого уважаемого человека. После хозяина-барона, конечно, ну и после волхва или, как их еще называют, ведуна, чародея, чароплета и двуязыка. В общем, как только нашего брата здесь не величают. А вообще маги и волшебники, которые живут на таких хуторах, – весьма опасные личности. У них тут, так сказать, все родное. Вот идешь ты по деревне, а с соседнего дерева на тебя ворон смотрит. Вот что в этом может быть особого? Но, возможно, глазами этой птицы на тебя смотрит сам ведун. И вот он уже знает, кто ты, откуда, зачем явился и что недоброе можешь сделать на этой земле. Про доброе эти недоучки обычно не думают. Они параноики – постоянно ищут подвох. Но пусть они и недоучки (как и ваш покорный слуга), но каждая травинка, сдобренная разными смесями, каждое дерево, которому нашептали заклинания, и каждый подкормленный зверь будут на стороне ведуна. Так что когда идут войны, в деревни первым делом отправляют боевых магов, а потом уже – солдат и легионеров.

– Кар-кар! – прокричал ворон и унесся в северном направлении.

О как. Значит, я был прав, действительно птица волхва. Они обычно живут на отшибе и зачастую за забором, тем самым придавая себе солидности, мистичности и весу у местных. Да и делами своими заниматься куда проще, когда тебе в окно не заглядывают любопытные детишки, а народ не прячет девок от греха подальше. Ведунов хоть и уважают,

но опасаются даже посильнее заезжих настоящих магов. Вот такие нравы у простого люда.

Шли мы по песчаной дороге, на которой могли бы разъехаться бортами две груженные повозки, по каждой стороне стояли дома. Избами их не назовешь, ну а срубами и подавно. У каждого есть и крыльцо, и стойло, и банька. Виднелись огороды и даже беседки. На окнах – резные ставни, из труб валит густой дым. Деревни баронств мало чем напоминают хутора империи. Здесь каждый крестьянин зажиточен, потому их так не любят имперские земледельцы и просто обожают торговцы. А все почему? А просто бароны хоть свиньи еще те, но за своим стадом (простите этот нелепый каламбур) следят внимательно. Ведь с паршивой овцы, как известно, шерсти всего клочок, а вот с упитанной, ухоженной, выращенной овечки прибыли куда больше. Барщина здесь, конечно, строгая, но не отягощена прочими налогами, сборами и данью. Вот и жиреет народ. Почему же имперские крестьяне не бегут сюда? Бегут, разумеется, еще как бегут, вот только кто их здесь ждет? Как прибегут, так их обратно и отошлют, дабы император вдруг не решил, что ему не нужны под боком баронства, и не заслал сюда регулярную армию вместе с боевыми магами. Которые стройным маршем пройдутся по «свободным землям» и оставят за собой пустыню.

Когда же мы свернули в переулки, так называется пространство между двумя заборами, я стал искать нужные знаки. Пространство же это столь узкое, что пройти могут лишь

два человека, третьему уже места нет. Поначалу Мия шла сзади, но постоянно спотыкалась о кочки или в подступающей мгле неправильно ставила ногу, отчего пыталась завалиться на чужой забор. Так что в скором времени я решительно схватил ее за руку и повел рядом, как неразумное дитя. Впрочем, вне дворцовых залов большинство аристократок таковыми и становятся.

Дорожки петляли и уходили куда-то вглубь. Деревни строятся просто – от центра к окраине: тут не соблюдается никакая система, нет четких переходов и прямых линий. Все навалено в кучу и перемешано в хитрой паутине дорожек. Кстати, именно поэтому Москву и называют большой деревней, а вовсе не потому, что там царят хамство и полное неуважение к ближнему. Хотя, может, и поэтому. Но вы не подумайте, я к жителям столицы отношусь нормально, непредвзято. Просто, видимо, так сложилось, что из всех людей, которые живут в этом городе, я общался с самыми, как бы это сказать, «москвичами», что ли. Впрочем, знаком я был и с вполне приятными личностями. Кстати, я где-то слышал, что москвичи о петербуржцах примерно того же мнения. В общем, две столицы в одной стране – это не есть гуд.

Дома ближе к краю становились все беднее: пропали беседки, заборы обветшали, виднелись даже огороды, поросшие сорняками, а это признак крайнего упадка. И все же я не мог найти нужное мне здание. И когда я уже почти отчаялся и был готов месить грязь по направлению к таверне, мне по-

пался на глаза дверной косяк одного из обветшалых домиков. Это оказалось единственное крыльцо в округе, которое даже в предсумеречный час освещалось факелом.

Дом был хороший, крупный, с массивными бревнами у основания, ухоженным огородом, маленькой банькой и некрупным амбаром. Что же он делает в бедном районе? Просто когда сюда заезжали нынешние хозяева, дом действительно был убогим, но наш брат труда не боится... Единственное, что разбивало образ аккуратного жилища, – это изрезанный царапинами косяк входной двери, причем факел водрузили таким образом, будто специально хотели подсветить эту паутинку.

Я, нисколько не боясь и не стесняясь, перегнулся через калитку и отодвинул задвижку. Эти задвижки вообще скорее для антуража, чем для какой-то реальной защиты. Подойдя к дому, все так же держа в левой руке уже потеплевшую ладошку дочери визиря, я провел пальцами правой по косяку. Царапины не были старыми, возникало такое ощущение, будто их подновляют чуть ли не каждый день. Я прикрыл глаза и, глубоко вздохнув, постучал в дверь. Спустя пару минут раздались шаги.

– Кто такие? – Дверь открыла пожилая женщина. Она была высокого роста и крепко сбитой. Седые волосы стянуты в тугую косу, а в мозолистых руках – длинная скалка, которая в это мгновение казалась пострашнее наточенного бастарда. Из одежды на крестьянке простой, но приятный сарафан, а

на ногах – ладные сапожки, которые и не у каждой горожанки найдутся.

Засунув руку за пояс, я вытащил из потайного кармашка одну из последних золотых монет. Их у меня осталось всего четыре.

– Не пустите ли переночевать на сеновале? – спросил я, протягивая монетку.

Вы, наверное, пальцем у виска крутите: предлагать крестьянину целый золотой за постой разве что не в хлеву!

– У нас на сеновале крыша протекает и кот шальной ходит, – покачала головой женщина. На старуху она ну никак не тянула.

Я убрал золотой, а из другого кармашка достал последнюю серебряную:

– Не пустите ли переночевать на чердаке?

Хозяйка покачала головой во второй раз:

– Чердак весь в пыли и мусоре.

Тогда я в третий раз сменил деньги, достав медную монетку:

– Не пустите ли нас переночевать в свободной комнате?

– Старый! – раздался крик. – К тебе тут пришли! А вы проходите, нечего на ночь глядя на пороге толкаться.

Я улыбнулся и спрятал монету, а наткнувшись на полные недоумения зеленые глаза, поддался какому-то наитию и подмигнул.

Внутри все было так же, как и в нашем с Добряком срубе.

Ну почти так же. А если честно, то это все равно что сравнивать номер «люкс» и наркоманский хостел. У нас были земляные полы, из которых частенько вылезали черви. Здесь же пол деревянный, залитый смолой, потом посыпанный песком и сверху укрытый досками. Потолок из колотых пополам бревен, уложенных на поперечную балку, и вся эта конструкция обмазана глиной. Стены же обиты липовыми досками, а внизу стояли резные лавочки. Выше виднелись аккуратные полочки с разным добром. На окнах висели занавески, а это уже в принципе нонсенс. В поселке еще ладно, но в деревушке, фактически на хуторке, это признак зажиточности. Наверное, странно говорить про зажиточность, когда в доме живут два человека в возрасте, то есть ни в мастерской, ни в поле не поработаешь. Но все объясняется одним простым фактом.

– И кого там принесло на ночь глядя? – Из-за угла вышел крепкий старичок с повязкой на левом глазу и целой плеядой шрамов на руках. – Кому по ночам не спится?

– Хорошего ветра, – кивнул я хозяину дома.

Тот лишь отмахнулся и протянул мне руку:

– Прямых дорог. Но какие в этой тюрьме дороги и ветер?

Я пожал ему руку, как это принято на Ангадоре: то есть сжимаешь не ладонь, а предплечье.

– А тебе, труп ходячий, значит, дороги и ветер подавай, да? – раздался голос хозяйюшки откуда-то с кухни.

– Молчи, карга древняя! Лучше стол накрывай.

– Пень трухлявый, ишь перед гостями перья распустил.

Странно, но все это вызывало лишь улыбку. Женщина продолжала распалаться, но старик прикрыл дверь, ведущую, судя по всему, в обедню.

– Вот ведь достала, – выдохнул он. – Знаешь, молодой, не женись. Что хочешь по жизни делай, но не женись.

Я сначала не понял, к чему это он, но Мия, поспешно вырвавшая свою ладошку из моей руки, сама дала ответ:

– Мы не вместе!

– Вот о чем я и говорю, – опять вздохнул мужик и опустился на лавочку. Я дождался, пока сядет леди, и уже потом присел сам. Хоть чему-то герцогиня Лейла и графиня Норман меня обучили. – Вы даже не вместе, а она уже вперед мужского слова лезет. А как браслет на запястье появится, так такое впечатление, что не беседу ведешь, а от служивого отбрехаться пытаешься. Натурально за глотку держат.

– Спасибо тебе за совет, – хмыкнул я. – Видимо, и ты не нашел под пнем книгу в золотом переплете, где было бы написано, как ужиться с женщиной?

– Много я под пнем видел, многое в мешок спрятал, много на торг оставил, но такой книги не видывал. А если бы и видывал, тебе, зеленому, ни в жизнь бы не отдал.

– Так мне и не надо во владение. Так, полистать бы, посмотреть одним глазком. Глядишь, и жизнь бы наладилась сразу.

– А что, без знаний нужных совсем все плохо? – прищу-

рился дед.

Мия смотрела на нас с легкой опаской, как смотрят на сумасшедших, ведь ей наш язык, вроде и имперский, был совсем неясен.

– Не поверишь – по глупости делаю глупые вещи, по неразумению говорю неразумные слова. Даже не знаю, что такое.

Вопреки моим ожиданиям дед лишь улыбнулся и хрустнул костяшками некогда пудовых, а сейчас сморщенных кулаков.

– Привыкнешь. На дорогах змеи ползают редко, учиться с ними общаться некогда. Так что учись сейчас.

– Попытаюсь, но больно ветер сильно в спину дует.

– Расскажешь?

– Накормишь?

Дед снова хмыкнул и крикнул:

– Презренная женщина, как там наш ужин?!

– Готово уже все! – раздался второй крик.

– Ну пойдете.

Поднявшись, я предложил руку Мии, но та фыркнула и поднялась сама, попутно окинув меня столь уничижительным взглядом, будто перед ней полуразложившийся труп червя. Вот как женщины это делают? Вроде я с какой-то стороны и был прав, но прошел всего час, а меня уже одолевают смутные сомнения. Может, развеять волшебство и пусть ее обновленное платье осыплется травой? Кстати, о волшебстве. Надо бы содержимое мешка толкнуть, а то скоро совсем

без денег останемся. Я подозревал, что дочка визиря отправилась в путешествие, имея на счету в банке определенную сумму на дорожные расходы, но здесь сыграли свою роль два фактора – упертость и дутые принципы, из-за которых я бы с такой просьбой ни за что не обратился к надменной девчонке. Уж лучше потом в статью расходов включу, когда папеньке дочку передам. И будьте уверены, визирю повезет, если я на бумаге увеличу потраченную сумму всего в два-три раза.

Миновав коридор, мы очутились в обедне. На широком столе, покрытом скатертью, стояли четыре миски с вкусно пахнущим луковым супом. В центре виднелись горшочки с тушеным мясом, а на большой деревянной доске лежали разные овощи. Также был горшочек с соленьями, а на домашней печи пыхтел местный аналог чайника. Эдакий уменьшенный самовар без ножек. В животе заурчало, и хозяйка одарила меня доброй улыбкой.

– Садитесь, – сказала она, и мы расселись.

В руки мне сама собой легла деревянная ложка, и я тут же взмолился всем богам, чтобы леди не обидела хозяев и не показала свое «фи» простому – для нее – столу и простым приборам. Но девушка не показала виду: она уплетала суп за обе щеки. Разве что треска не было слышно. Голод – он равняет всех. А суп оказался просто божественным на вкус, я сам не заметил, как ложка уже стукнула о дно миски. Тогда хозяйка забрала опустевшую посуду и подвинула к нам горшочки. Едва я поднял керамическую крышечку, как в ноздри ударил

аромат мяса, овощей и картошки. В общем, неудивительно, что и эту порцию я слопал с невероятной скоростью. Впрочем, девушка оказалась быстрее. Вопреки всем ожиданиям седая женщина была только рада и смотрела на нас с материнским умилением. Вскоре мы уже потягивали ароматный чай и заедали его сушками.

– По нраву ли пришлась трапеза? – спросил хозяин, обмакивая сушку в кружку.

– Уже давно мы не ели ничего вкуснее, – кивнул я. – Благодарю вас.

– Надеюсь, я тоже смогу тебя поблагодарить за столь же вкусный рассказ?

– И я надеюсь на это, – вновь кивнул я и начал рассказывать историю, которую из присутствующих поймут лишь трое. – Путь свой я начал из второго дома. Дорога шла кривая, и ветер странно себя вел, он дул то с запада, то с востока, а иногда приносил северные холода. И никто не решался меня подвезти. В итоге я оказался в гроте с отравленной водой, но вовремя успел это распознать. Пришлось бежать по извилистому тракту. В мои руки попал алый цветок с шипами.

Дед крикнул, а женщина лишь покачала головой.

– Я понес этот цветок на запад, где он и рос, – продолжил я свой рассказ, напрочь игнорируя смятение высокородной. – Через три сезона мне случилось биться за него, и опавшие листья оцарапали мне руки. Тогда я некоторое время стоял на месте, но вскоре чужой ветер понес меня на север.

Там я шел сначала над холмами, но случилось спуститься под них, где я провел десятую долю перехода по Императорскому тракту. Цветок отказывался оставлять меня в покое. Лишь выбрался я на божий свет, как повстречал трех ласточек. Одна из них села мне на плечо и указала путь к телеге. В ней я обнаружил кроме старых нового попутчика, оказавшегося лицом высоким с глубокими корнями. Так мы двинулись дальше, все глубже уходя в бурелом. Ветки били нам по ногам, а острые колючки изрезали лицо. В конце концов мы вышли к саду, где я и посадил цветок. Вот только пока сажал его, шипы стебля так сильно впились мне в руки, что чуть ли не познакомили с темным садовником.

Женщина снова охнула, а хозяин так сильно увлекся рассказом, что перестал пить.

– Там же разминулись наши пути. Кто-то из попутчиков отправился еще дальше, а один нашел свой последний порог. Тогда, собрав плоды, я отправился к холму царей. Здесь я обменял семена на чернила и пергамент. Год я провел на месте, в метаниях не столь праведных, сколько справедливых. Мне довелось выплатить черный долг и показать три последних порога трем высоким людям. Один из них на короткое время стал для меня попутчиком, но я так и не понял, кем же он остался на тот момент, когда ветер перестал его беспокоить. После этого я пришел в дом и стал попутчиком для хранителей золотой шкатулки с розовым бриллиантом. И отвезти ее должно в место, где яркий глаз пробуждается

от мокрого сна. Наша дорога началась ровно, без ухабов, без проливных дождей и красных ходоков. Так мне казалось, но красные следили за нами и вели к себе. В итоге весь караван встретил последний порог, а у меня на руках оказалась шкатулка. Красный попытался ее открыть, но я вовремя подоспел и отвел его к последнему порогу. Потом была погоня. Я долгое время бежал к изначальному дому, но наткнулся на семью серых ходоков. Мы дрались, и я выжил, а они нет. Здесь мой рассказ подходит к концу, так как после я поступал в вашу дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.